

18+

Людмила Лялина

ТРОПА В ДЕТСТВО

БОСИКОМ В НИКУДА

Людмила Лялина

Тропа в детство. Босиком в Никуда

«Издательские решения»

Лялина Л.

Тропа в детство. Босиком в Никуда / Л. Лялина — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Мы привыкли считать, что сон — это что-то нереальное. Что всё, что происходит с нами во сне, не может влиять на нашу жизнь «вне сна». Вы не задумывались, что связь между сном и реальностью есть, и что наша жизнь стала бы гораздо интереснее и богаче, если бы мы научились использовать сон как тропу в любое место и время? Героиня книги с рождения обладает даром жить в двух мирах. Может быть, получится научить этому обычного человека?

© Лялина Л.

© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Полет	7
Врозь	8
Дневник Марины	10
Шпильки	11
Дневник Марины	12
Фоминское	13
Сказка о старом шамане	15
Бубенец	17
Ниточка	20
Учение — свет	21
Засоня	23
Первая тетрадь	25
Физик	26
Бесконечность в обе стороны	31
Энже	32
Посиделки	34
Лес	36
Сова	39
Церковь всепрощающая	43
Цветомузыка	46
Кошанский	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Тропа в детство Босиком в Никуда

Людмила Лялина

© Людмила Лялина, 2026

ISBN 978-5-0071-4487-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга о поиске: себя, своего пути, своего способа жить в этом мире. О том, как важно сохранить себя, даже если ты не вписываешься в чьи-то представления о том, каким ты должен быть.

Жила-была девочка, которая умела жить не только наяву, но и во сне. Так получилось, что для неё эта, вторая жизнь, была ничуть не менее реальной, чем «жизнь наяву». Думаете, это сказка? Может быть. А может быть, стоит попробовать?

Вступление

Я не знаю, откуда взялась эта книга. У меня не было цели её написать. Много лет назад она начала прорастать из меня, как сорная трава. Иногда она замирала, иногда буквально «пёрла» наружу, не давая думать о чём-то ещё, герои приходили ко мне во сне, я думала о них днями, как о живых людях.

Часто мне вообще не верилось, что когда-нибудь я её вообще закончу. Было очень много ситуаций, когда каждая попытка продолжить писать упорно тормозилась какими-то внешними событиями, и это даже иногда заставляло меня усомниться в том, что я имею право её писать вообще. Даже сейчас она кажется мне незаконченной, очень многое осталось не вписанным в неё, многое не объяснено, что-то выпало или вычеркнуто вовсе.

Конечно, абсолютно все персонажи вымышлены, совпадения случайны, параллели непреднамеренны. Всё изложенное в книге, все намёки и фантазии — исключительно художественные, абсолютно ненаучные, не имеющие отношения к реальности, истории, психологии, мифологии и прочим «логиям». Но если что-то в этой книге откликнется в вас и заставит задуматься, или измениться, или стать внимательнее к своей жизни, возможно, эта книга появилась не зря.

Я очень благодарна судьбе за тот жизненный опыт, который помог мне записать эту историю.

Полет

Зрачки её янтарных глаз сузились в чёрную точку. Когти напряглись, и сразу же, резко оттолкнувшись от ветки, она бросилась вниз, рывком расправив крылья. Там, внизу, стремительно проносилась земля, воздух был твёрдым и надёжно держал ее, упругими нитями расчесывая оперение. Запахи земли, травы, животных сменялись один за другим, то становились ярче, то угасали и таяли, растворяясь в воздухе, когда крылья поднимали её выше. Она не была голодна, но движения мелких грызунов там, внизу, будили древние инстинкты.

Ненадолго замерев без движения, она сгруппировалась и, прижав крылья, камнем ушла по крутой параболе вниз, к точке, в которой тихо шуршала травой её цель — небольшая рыжеватая землеройка. Перед самой землей она чуть изменила наклон крыльев, замедлилась, а потом неожиданно снова ушла ввысь, заставив сердце грызуна на долгий миг замереть от ужаса.

Она ещё немного покружилась над долиной, наслаждаясь силой своих крыльев, наблюдая, как сгущаются тени, и небо на западе окрашивается в невозможно яркий пурпур.

Вернувшись, она с легкой грустью отметила, что краски в городе намного бледнее, и запахов ей будет ещё долго не хватать. И сказала себе самой, что сегодня она — молодец. Теперь этот «грызун» Павел Андреевич будет её бояться до колик.

Она научилась уходить в реальность снов давно, ещё маленькой девочкой.

Врозь

— Нет, я не понимаю, неужели тебе совсем наплевать, как мы живем, что едим? У меня до зарплаты пятьдесят рублей осталось, а мне ещё Соньке обувь надо купить, между прочим! И мне надоело занимать постоянно, хожу, как попрошайка! Мужчина ты или самец, в конце концов? Видите ли, Семенов ему — друг! Хорош друг — ты делаешь всю работу, а начальником поставили его. И всё нормально! Уткнулся в тряпочку и молчишь!

Ругаться Андрею не хотелось. Глядя в исказившееся от эмоций лицо жены, он с грустью и «не в тему» вспомнил, как в прошлом году, в деревне у мамы, они шли с речки, и вдруг начался ливень, и втроём они бежали под дождем и смеялись, а потом Марина заварила чай с вороникой. Или это было в другом мире?

— Марин, перестань, уже поздно, Соню разбудишь. Ну да, не меня сделали начальником, да и какой из меня начальник? Я проекты могу писать, но руководить толпой бездельников, половина из которых — женщины — нет уж! Давай, я лучше сторожем где-нибудь устроюсь, ночным?

— Да ты что, совсем сдурел? У тебя работа — золотое дно, там можно каждый месяц шабашить на десять зарплат! Посмотри — никто не стесняется, все зарабатывают, как могут. Время такое! А ты, как дурак, работу за всех тянешь, а начальником — Семенов, тут как тут! Ты что думаешь — тебе памятник поставят за это? Оценит кто-то? Да на тебе ездят, просто ездят, как на старом осле!

Соня уже давно не спала. Она не понимала, почему мама стала такой злой и кричит на папу. Она нырнула под подушку и попробовала закрыть уши, и не слышать, как они ругаются, и как папа всё время говорит что-то виноватым голосом. Всё равно было слышно.

Она очень любила папу и не понимала, как он мог сделать что-то плохое. И маму тоже любила, но мама стала часто кричать на папу, а папа от этого становился грустный и усталый, и говорил, что у него «нет настроения» играть с Соней.

Раньше они часто ходили в парк, и папа качал её на больших качелях, и было весело. Потом шли кормить ослика Гену морковками. Ослик тянулся тёплыми губами к рукам и аккуратно брал кусочки моркови.

Иногда приходила мама, и они играли все вместе. Соня вспомнила, как они втроем играли в снежки, и один снежок попал ей за шиворот. Было холодно, но очень весело и хорошо. Мама тогда смеялась, и папа поднял её на руки и кружил. А потом кружил Соню. От этого воспоминания стало совсем грустно.

Она встала с кровати, прошла на кухню и, встав в ночной рубашке перед родителями, решительно заявила:

— Если будете югаться, я от вас улесю далеко-далеко, и больше не войнусь!

Дневник Марины

Софья утром рассказала свой сон, я сразу записала:

«Мама! Сегодня мне снилось, что я — котёнок. Я залезла на дерево, и мне было страшно, и очень высоко. И я боялась, что, если начну слезать, мне будет больно коготочки. Я мяукала, мяукала, а потом пришла моя мама и мяукала снизу, и объяснила мне, как слезать. И я слезла, и она меня вылизала, сначала спинку, а потом животик. Мама, я на лесенку теперь высоко-высоко забираться буду в садике, меня кошечка научила лазить.» Вся в отца, фантазёрка, тот постоянно в облаках витает.

Шпильки

До лета было ещё далеко, но пьянящий запах молодой листвы уже обещал скорое тепло. Над ярко-зелеными ветвями пестрели васильковые клочки неба, стремительно подсыхали лужи, звуки становились звонче, и после долгой, необычно морозной зимы, такая весна казалась чудом. Даже на лицах прохожих сквозь зимние защитные маски начали, наконец, проступать улыбки.

Как только стало потеплее, улицы в центре обсыпали резвые лоточники, сулившие несравненные джинсы «от Версаче» по подозрительно китайским ценам. Их крики смешивались с шумом самосвалов и рёвом экскаватора: рядом возводили очередной торговый центр.

Андрей с Мариной стояли в относительно спокойном уголке сквера, рядом с городской библиотекой, которую по привычке все называли «ленинкой». Андрей, смотря на жену, не к месту задумался, почему подводка на её губах темнее, чем помада... А губы шевелились как будто сами по себе, и слова казались странными, чужими.

— Андрей, я думаю, мы уже всё обсудили. Девочке мать нужна больше, чем отец. Да и какой из тебя воспитатель — тебя самого ещё воспитывать и воспитывать. Со своей стороны, я гарантирую, что видеться вы с ней будете, когда захочешь. Понимаешь? — последнее слово она проговорила чуть с придыханием, и с утвердительной интонацией, отчего Андрею стало зябко.

Каким-то не своим, ватным языком он продолжал говорить, стараясь перевести всё в шутку, и беспомощно ощущая, как слова воздушными шариками подвисяют в воздухе:

— Марин, ну как это — отдельно? А на кого же ты ворчать по утрам будешь? И блинчики только я в нашей семье умею жарить. Я тебе обещаю, что постараюсь работу найти, мне уже Славка, ты его помнишь? — предлагал завлаба. Ведь Соня маленькая ещё совсем, три годика...

— Она маленькая, зато мы с тобой большие. Давай честно друг другу признаемся — прошла любовь. И я, извини, не собираюсь делить с тобой постель просто потому, что у нас ребёнок. Ладно, как устроишься, звони.

И она ушла, покачиваясь на высоких шпильках, оставив запах духов, которые не продавались в магазинах. Андрей смотрел ей вслед, пока она не затерялась среди множества спешащих по своим делам людей.

Всё было неправильным, и этот день, и то, что будет с ними дальше. Ему сложно было представить, как он будет жить теперь, приходиться в пустую комнату в старой тёткиной квартире, ужинать, смотреть телевизор. И уж совсем невозможным было, что утром он не будет вести за ручку в садик маленькое сокровище, кутая от ветра в старую шаль, и не будет в коридоре на стульчике снимать сапожки, и развязывать полосатый шарф, и обещать, что заберет пораньше... При мысли о Соне у него противно защипало в носу, он быстро повернулся и побежал догонять автобус, даже не разобрав номер.

Дневник Марины

Софья снова рассказала сон. Она, видите ли, плавала в море и была рыбкой. Я спросила, как ей понравилось море, она же его не видела никогда.

— Оно большое-пребольшое и красивое! А ещё оно качается. Только я не поняла — у меня внутри был такой большой пузырь, он за меня дышал. Это у всех рыбок такие пузыри есть? А ещё я видела других рыбок, и знала, что там есть рыбка-мама, рыбка-папа и много-много рыбок братиков и сестричек. И мы кушали такие штучки в воде, очень вкусные. Мама, а что рыбки кушают? А когда мы пойдем в бассейн? Я там буду плавать, как рыбка. Я теперь плавать умею!

Откуда она знает про дыхательный пузырь и планктон?

P.S. Спр. Андрея, не расск. ли он ей про рыбок.

Иногда Марине казалось, что это — не её дочь. Когда Софья была ещё грудной, Марина мечтала, что будет наряжать свою кровиночку в пышные платья с бантами, завивать ей локоны, вплетать шелковые ленты и вязать крючком кружевные воротнички... И — обязательно — отдаст её на балльные танцы. Матери девочек — это вообще особая категория матерей. Есть возможность воплотить в жизнь все свои нереализованные детские мечты о нарядах, куклах и кавалерах...

Но с Софьей всё оказалось совсем по-другому. Это была не девочка, а какой-то сорванец в юбке! Началось с того, что она ни за что не желала надевать платья с рюшами. Банты на её косичках постоянно развязывались и свисали белыми лапшинками. А тут ещё сестра Андрея «подложила свинью» — отдала джинсы, из которых выросли её мальчишки. Догадалась! Ну скажите, какая нормальная девочка променяет ТАКОЕ платье на драные джинсы? А эта — нацепила, и носит, не снимая!

Она всё время носилась за дворовыми мальчишками, играла во что попало: в казаки-разбойники, в салки, и даже — о, ужас! — в «слона». Карабкалась по деревьям выше всех, так что Марина устала бояться и плюнула на эту обезьянку. Вечно ободранные коленки, перепачканная мордашка и грязь под ногтями, на которых Марина тщетно пыталась изобразить некое подобие маникюра.

В довершение ко всему, девочка попросила постричь её коротко. Естественно, нет! Такие красивые, длиннющие волосы цвета платины — и под ножницы??? Но после маминого отказа эта хулиганка сама взяла ножницы и «постриглась». Придя с работы, Марина долго не могла поверить своим глазам: это даже не косая чёлка, это ступени к мавзолею какие-то... Пришлось вести в парикмахерскую. Парикмахер, увидев девочку, хихикнула: «Ничего, отрастут. Но каре не получится, только „гарсон“».

Только тогда Марина поняла, что и с балльными танцами, видимо, тоже не получится.

И ведь, надо же, Андрей её даже не поддержал! Всё смеялся, когда она ему описывала все свои мучения с этой пацанкой. А на пятилетие подарил ей — девочке! — воздушного змея. Сам сделал, в своей лаборатории. Змей был непростым, держался даже на самом слабом потоке ветра. Теперь уже довольная Соня собирала вокруг себя толпу мальчишек.

Кстати, надо будет поговорить с Андреем, пусть свяжется со свекровью. Девочке перед школой надо как следует отдохнуть, а у бабушки в деревне — просто идеальное место. К счастью, Антонина Петровна внучку обожает. Да и ей не мешало бы заняться поисками новой кандидатуры на выборную должность мужа. Годы идут, не девочка уже...

Фоминское

К бабушке её всегда отвозил папа. Соня всю дорогу ёрзала на лакированной скамейке вагона и считала остановки, когда, наконец, строгий женский голос объявил по громкоговори-телю: «Следующая станция — Фоминское».

От станции до деревни нужно было добираться пешком километра три. Сначала тропинка шла вдоль железной дороги. Вкусно пахло мазутом, мимо зелёными стрелами проносились скорые поезда, оглушая стуком колес и сбивая дыхание потоками ветра. Бесконечно тянулись товарные составы, рядом широко шагали деревенские с сумками и рюкзаками, набитыми накупленными в городе продуктами.

Они с папой шли не спеша, и скоро все, кто приехал с этой электричкой, их обогнали. Потом дорога свернула в лес, и Соня, отвыкшая от волшебных запахов леса, остановилась и с минуту не могла надышаться и тронуться с места. Потом побежала, догоняя папу.

— Пап, а ты своего папу помнишь?

— Очень смутно, Сонюшка. Больше по фотографиям, ну и по рассказам бабушки, конечно. Мне же всего четыре года было, когда он умер. Тётя Лена, та ещё помнит, она меня на два года старше. А дядя Ваня вообще после его смерти родился.

— А отчего он умер?

— Он на войне ранен был, тяжело. Осколок в груди застрял, рядом с сердцем, хирурги оперировать не стали. После войны работы было много в деревне, а мужчин осталось мало. Бабушка говорила, отец себя инвалидом считать не хотел, работал за двоих. Вот осколок и сдвинулся.

— А бабушка плакала, когда он умер?

— Не знаю. Бабушка у нас замечательная. Я вообще не помню, чтобы она плакала когда-нибудь, всегда весёлая. В детстве часто, помню, песни нам пела. Ты её попроси как-нибудь спеть, она много песен старых знает!

— А правда, мама говорила, что бабушка умеет из ружья стрелять?

— Правда. Когда в войну мужчины на фронт ушли, женщины научились на охоту ходить. А бабушка — вообще заправская охотница. Она и зверя выслеживать умеет, и силки ставить, хоть на зайца, хоть на птицу. У нас в детстве всегда шубы и шапки были тёплые, меховые, — в городе ни у кого таких не было, — столько она с охоты мехов приносила. А рыбу как ловит! У нас же на речке рыбы много разной водится — так бабушка знает, какую рыбу как ловить, какой прикорм кто любит, и места у неё есть свои, заветные. Нас с братом в детстве научила, да я уже давно не рыбачил, многое забыл...

Андрей задумался. В детстве жизнь казалась такой простой и понятной. Он вспомнил, как они с сестрой и братом бегали по этой тропинке на лыжах в школу. Нужно было идти три километра, и, когда они выходили, было ещё темно. Сестра, как самая старшая, шла первой и несла фонарь — большой, трофейный. Снег по бокам от проторенной тропки был таким высоким, что только сестра могла видеть, что происходит там, за тропинкой. И дорога казалась лёгкой, переполняла радость от предстоящей встречи с друзьями, и от того, что на их с братом меховых шапках пришиты военные звездочки, и от того, что на обед мама дала свежий хлеб, и ещё теплая краюха лежала у Андрея во внутреннем кармане. Сейчас у него есть всё — жилье, машина, еда в холодильнике, — но куда-то исчезла та лёгкость, и жизнь превратилась в последовательность необходимых действий, и невыполнение хотя бы одного из них неизбежно повлечет за собой огромные проблемы.

Соне показалось, что дошли очень быстро. Внезапно из-за леса вынырнула деревня. По берегу речки важно вышагивали гуси, топтались в пыли, недовольно ворча, куры, в палисадниках отцветала сирень. Город сделался теперь очень далеким, почти нереальным. Вся деревня

состояла из одной длиннющей улицы, которая шла вдоль реки. Бабушкин дом был крайним, и, чтобы дойти до него, они прошли через всю деревню. Соня удивилась тому, что каждый встреченный ими человек радостно здоровался, расспрашивал папу, надолго ли они приехали, и обязательно звал к себе в гости, и незнакомая бабушка дала Соне гостинец — большую, пахнущую мёдом коврижку.

Наконец, пришли. Дом стоял на небольшом пригорке, и через невысокий штакетник виднелись ажурные наличники. Дом строился долго, но и простоять мог целую вечность: каменный фундамент заложил ещё дед, но достроить дом не успел, и бабушка нанимала строителей, расплачиваясь с ними то звериными шкурками, то самогоном. Уже позже, когда подросли сыновья, они перестроили дом заново, оставив нетронутыми только фундамент и печку.

Калитка открылась, тихонько скрипнув. Воровства в бывшей кержацкой деревне не знали, и двери хозяева запирали, только отправляясь куда-то надолго.

Папа оставил Сонин чемоданчик на крылечке, и вдвоем они пошли искать бабушку на задний двор. Соня почувствовала, что здесь — какой-то иной мир, и волны непонятных запахов и звуков нахлынули на неё.

Радостно залаял пёс, и бабушка, увидев гостей, выбежала с птичьего двора.

— Андрюша! Эх ты мне такой подарок привез! Вот уж не надеялась даже! Дай-ка, посмотрю на тебя, раскрасавица ты моя! А глаза-то наши, карие, ты смотри! Вырастет, поди, все женихи её будут! — и она лукаво подмигнула сыну, увидев, как засмущалась девочка.

Через месяц жизни в деревне Соню было не узнать. На загорелом лице бурно высыпали веснушки, светлые волосы выгорели добела, а на исцарапанные руки и колени она уже не обращала внимания. Днем она бегала с ребяташками, всюду плавала на мелководье, по деревьям карабкалась, как белка. Бабушкин пёс, Черныш, стал девочке лучшим другом и нянькой одновременно, и только с ним бабушка отпускала Соню в лес и на речку. Стоило Соне увлечься вкуснейшей лесной малиной и уйти подальше в лес, как Черныш начинал строго рычать и тянуть девочку за одежду домой. А, увидев, что Соня заплывает дальше обычного, пёс начинал лаять так громко и надрывно, с истерическим повизгиванием, что невозможно было не послушаться. Это вам не с бабушкой спорить...

А больше всего Соне нравилось ходить с Чернышом по крутой тропинке на плёс, с которого вся деревня была видна, как на ладони. Она присмотрела там себе «секретную» полянку: совсем рядом с тропинкой, но, если не знать, где нырнуть в лес, ни за что не заметишь. Там она садилась на траву, пёс устраивался у неё в ногах, и можно было сидеть долго-долго, и мечтать, или наблюдать, как муравьи идут по своей тропе, и как колышется трава на ветру.

А вечером было очень уютно растянуться на большой медвежьей шкуре рядом с бабушкиной кроватью и слушать, как бабушка рассказывает истории из своей жизни, а иногда и чудные сказки про духов, шаманов и великанов. В комнате царил полумрак: бабушка так и не полюбила электричество, и вечером часто зажигала свечи или керосиновую лампу. Три свечи в тяжёлом бронзовом подсвечнике делали почти реальными сказочных героев, и пламя их волновалось, когда бабушка рассказывала что-нибудь особенно страшное.

Сказка о старом шамане

Давно-давно, люди сказывали, в тайге, высоко в горах жил старый шаман. С птицами он разговаривал на птичьем языке, со зверями — на зверином, а уж как он говорил с рыбами — кто его знает, а только и рыбы его понимали... Духов верхнего мира просил он о хорошей жизни для всего народа, умел и духов нижнего мира задобрить. А ещё в обе стороны он хорошо и далеко видел — и в прошлое, и в будущее.

Аил у шамана был тоже необычным, потайным — только тот человек к нему дорогу находил, кому помощь шамана нужна была большие жизни.

Жил он долго, не один век, и не два, и многое узнал о жизни, и о том, как людям жить в мире друг с другом, и со зверями, и с птицами, и с землёй, и с водой, и с огнём, и с ветром. А потом узнал шаман, что кончается его век на этой земле. Опечалился шаман не тому, что умрёт, а тому, что сила его и знание уйдёт из Срединного мира вместе с ним, ведь не было у него ни учеников, ни детей.

Тогда он оставил свой аил и пошёл вниз, чтобы найти человека, которому мог бы он передать свои силу и знание. Искал он человека с чистым сердцем, сильной душой и светлым умом.

И увидел шаман молодого охотника. Тот был силен и быстр, ум его был цепок, как коготь тигра, а душа — сильной, как лапа медведя. Хотел шаман передать свои знания охотнику, но потом увидел, что знание нужно ему только для того, чтобы убивать зверя и птицу.

Ещё увидел шаман сына хана. Он был смел и умен, мог в одиночку победить десять воинов, и к его словам прислушивались даже мудрые старейшины. Хотел шаман передать знание сыну хана, но увидел, что знание нужно ему, чтобы завоевать всех соседей, убить всех врагов, долго править и увеличить свое богатство.

Так и не нашёл шаман человека, которому знание нужно было бы, чтобы на землю алтайскую принести мир и процветание. Не нашёл, и вернулся в свой аил. Решил тогда искать совета у верхних духов. Надел шапку высокую, и плащ надел с железными подвесками, и бубен взял с колотушкой, и стал шаман камлать. День, два — шесть дней шаман кружился, не ел, не пил и не спал. Шесть дней прошло в этом мире, а сколько дней в верхнем мире — никто не знает. Только на седьмой день нашёл ответ шаман. И сказано было ему взять ровное дерево и гладкие камни, и на них сохранить свое знание. И будут дерево и камень хранить знание до тех пор, пока не найдёт их человек с чистым сердцем, сильной душой и светлым умом.

И ещё шесть дней лежал шаман, и не мог встать. Только на седьмой день встал, нашёл ровное дерево и гладкие камни, и стал записывать на них свое знание. Никто не знает, где спрятал шаман свои письма, и успел ли он записать всё, что знал. Но с тех пор реку, которая течет рядом с аилом старого шамана, люди называют «Самуралу», что значит «хранящая знание на дереве и камне».

И если когда-нибудь появится человек, которого так и не нашёл старый шаман, и найдёт заветные письма, наступит на нашей земле мир и благодать.

Рассказав эту сказку, бабушка почему-то всегда вздыхала. Только однажды Соня спросила, почему бабушка вздыхает. Мягкой морщинистой рукой пригладив растрепанные кудряшки, та задумчиво протянула:

— Уж скорее бы нашёлся человек, от которого людям полегче жить стало.

— Бабушка, а почему людям жить тяжело?

— На этот вопрос я тебе не отвечу. У каждого — своя тяжесть. Кто-то пошёл не своей дорогой, другой вроде и человек хороший, а не идёт к нему удача. А бывает, что всё у человека есть, а счастья нет. Потому что сам так и не понял, что ему от жизни нужно для счастья.

— А как понять, что тебе нужно для счастья?

— Да кто ж его знает, девонька! Одно скажу: важно не глядеть завистливо на тех, кто вокруг, на чужой достаток или на чужую удачу не зариться. Тут понять важно, что тебе радость приносит, а что душу не трогает. У нас вот полдеревни, почитай, в город за счастьем уехало. Здесь у них были дома большие, скотина, река, воля. Сейчас в городе живут, в клетушках своих, даже с соседями порой не знают. Счастливы они там? В городе кого встречаю — глаза блёклые, спина понурая, ходят быстро, и поговорить пять минут им некогда. Зато у них и пылесосы есть, и холодильники, и туфли на каблуках. Кому какое счастье...

Бубенец

В дальнем углу бабушкиной комнаты стоял сундук. Бабушка говорила, что достался он ей ещё от прабабки-староверки. Соня сперва немного побаивалась большого, обитого железом, тёмного сундука. Казалось, что, если поднять тяжёлую крышку, какая-то сила может вырваться оттуда и утянуть Соню в нафталиновую ловушку. Но как-то раз, когда на праздник Антонина Петровна доставала оттуда свое «парадное» платье, шитое невероятными узорами, Соня рискнула заглянуть туда, и глаза её загорелись.

Чего здесь только не было: кожаный колчан с костяными стрелами, большая меховая шапка с подвесками-монетами, старинное ружьё, которое бабушка строго-настрого запретила даже трогать. На самом дне сундука, под бережно сложенной дедушкиной гимнастёркой, Соня нашла круглый серебряный бубенец с какими-то значками. Она поднесла его к самому уху и задумчиво прислушалась к тихому звону.

— Бабушка, а можно, я этот бубенчик себе возьму?

— Какой бубенчик? — Антонина Петровна удивилась. Много раз долгими зимними вечерами перебирала она содержимое сундука, вещь за вещью, но эту безделицу не видела ни разу. — Надо же, внучка... Ты знаешь, этот бубенец — дядьки Никона, старшего брата твоего деда. Только как он здесь оказался?

— А кем был дядя Никон? Музыкантом?

Бабушка звонко, по-девичьи, рассмеялась.

— Нет, Соня, дядька он был очень сурьезный, а из всей музыки только бубен знал. Молодым совсем глубоко в тайгу ушёл, жил сначала с лесным народом, а потом и вовсе зажил отшельником. Тувинцы говорили, до самого края земли дошёл. Они даже прозвали его по-своему — «Снежный шаман». Всё он умел: людей лечить, погоду выправлять, и всё знал — и что война долгая и страшная будет, но мы победим — сразу сказал. Его за слова о долгой-то войне в лагеря забрали, да ты ещё маленькая, страсти такие слушать.

Бабушка замолчала. Соня смотрела, как бабушкины руки быстро-быстро перебирают спелую клубнику. Чуть погодя бабушка продолжила:

— Потом, как война закончилась, отпустили. Приходил он к нам, незадолго до смерти деда твоего. Предупреждал его, чтобы не работал много: «Ты, — говорит, — Иван, побереги себя год-другой, а там можно и снова работать. А если так дальше будешь продолжать — детей сиротами оставишь...» Но мой-то упёртый был, земля ему пухом. «Что ж, говорит, я буду на печи лежать, а жена бревна таскать?» Меня всё берёт, да сам не уберётся. — И бабушка чуть слышно вздохнула. — Ладно, чего уж там. Вот, видно, в один из приходов своих и потерял бубенец.

— А он потом ещё приходил?

— Приходил, как же, и не раз. И всякий раз в аккурат перед событием каким важным, — я же говорю, — он всё наперед знал, что и как случится. Кабы не его советы, мы бы первую зиму военную, поди, не пережили. Он же весной сорок первого пришёл и расписал — что и сколько посадить, наказал купить спички, соль, мыло, а главное — улы поставить. И каждый раз придет, посоветует, что и как делать, а как уходит — никто не видал, даже собака не лаяла. А на него вообще собака всегда молчала — хвост поприжмёт, на землю ляжет и смотрит снизу-вверх, уши прижав, как на Господа Бога. А мы в первый год, как дед на войну ушёл, еле дотянули до весны, — потому как урожай весь на фронт отдали. А по весне первый мёд выкачали, и уже поняли, что выживем. А по деревне тогда малышей много помёрло с голодухи. И вот сколько раз Никон приходил — совсем не менялся, ни лицом, ни статью. И не скажешь, сколько лет ему.

— А он живой сейчас?

— Ой, не знаю. Посчитай, дед твой меня старше был на восемь лет, а брат его, должно быть, ещё лет на десять старше. Лет девяносто ему, поди сейчас. Может, и живой — кто ж их

знает, шаманов. Да только давно не слышала я ничего о нём... Приглянулся тебе бубенец-то? Что ж, бери, коли хочешь.

Бубенец Соня повесила на шею, на цепочку, которую папа ей подарил на восьмое марта, и с тех пор не снимала.

Ниточка

Дневник Марины. Сонечке 6 лет.

Вчера снова перед сном папу затребовала: «А когда папа придёт?» Я говорю, у него работы много, занят.

— А я хочу, чтобы завтра пришёл. Позвони папе, скажи, чтобы пришёл!

Я, естественно, звонить отказалась. Вот ещё — захочет дочь увидеть — сам позвонит. И ей говорю — надо быть гордой.

А сегодня с утра вдруг продолжила:

— Я с папой во сне поговорила, мы были на нашей старой даче, собирали малину и ели, и он сказал, что сегодня придёт! — Ну, думаю, фантазируй дальше! Всё бы ничего, но сразу после этого разговора, действительно, позвонил Андрей, и они договорились встретиться. Теплаты они, что ли. Яблочко от яблони.

Вечером они вдвоём с папой ходили в кафе, ели её любимую сырную пиццу, а потом долго гуляли по оттаивающему от зимы городу. Ветер трепал остатки новогодней мишуры, чудом уцелевшей на ёлке на центральной площади. И казалось, ещё совсем чуть-чуть, и вместе с обрывками мишуры тёплый ветер унесет зиму прочь.

— Папа, а тебе сны часто снятся?

— Нет, а ты почему спросила?

— А сегодня тебе ничего не снилось?

— Странно... Смутно помню, что ты снилась, но что там было — не помню. Кажется, мы с тобой, где-то на даче. Утром проснулся и понял, что тоже соскучился.

— Почему «тоже»?

— Ты знаешь, по-моему, ты во сне сказала, что соскучилась.

Соня долго молчала, задумавшись. Когда-то бабушка рассказывала сказку, в которой Аленушка приходила к Иванушке во сне, и во сне ему рассказывала, что и как делать надо. Она тоже попробует научиться делать, как Алёнушка. Доев эскимо, она дала папе вытереть платочком рот и щеки, а потом важно сказала:

— Папа, ты должен мне обещать: если я тебе во сне ещё приснюсь, ты меня слушайся, и сразу ко мне приходи, хорошо?

Андрей рассмеялся и, подхватив дочку на руки, закружил её в воздухе. Потом поставил на землю, поправил шапку и очень серьёзно сказал:

— Приду. И буду слушаться.

Так и повелось.

Учение — свет

В школу Соня ходить очень хотела. Папа привёз из Москвы безумно красивый ранец, желто-синий, с красными пластмассовыми отражателями на замочках, с тремя отделениями и двумя карманами. Он вкусно пах кожей, приятно шелкали замочки, гремел в глубине деревянный пенал. Соня казалась себе очень важной с ранцем за плечами, наполненным тетрадками, ручками, карандашами, линейками: все канцтовары, найденные в доме, она сложила аккуратно в ранец и уже в августе расхаживала вечерами по дому с «багажом». Форму надевать мама пока не разрешала, и Соня часто заглядывала в шкаф, где она висела, и прикасалась к ребристой плиссированной юбке.

Наверное, школа — это такое место, где могут ответить на все вопросы, на которые не может ответить даже мама и папа.

Утром первого сентября будильник зазвенел очень рано, но Соня проснулась ещё раньше, засветло. Умылась, убрала кровать, покормила хомячиху Дусю, шепотом рассказала ей свой сон. По улице пошли первые прохожие. Было ощущение праздника, чего-то волшебного. Торжественные гладиолусы, срезанные в выходные на даче для букета первой учительнице, казались самыми праздничными цветами, и Соня вплела в них свою любимую ленточку. Наконец, встала мама, и Соня без писка вытерпела процедуру плетения «дракончика» на голове. Огромный белый бант тяжело лежал на макушке, накрахмаленный воротничок немного царапал шею, но всё это были пустяки. Букет гладиолусов маме нести не дала.

На школьном дворе люди разбились на кучки, но Соня потянула маму в нужном направлении и спросила, указав на невысокую плотную женщину в сером строгом костюме:

— Это моя учительница?

Мама удивленно приподняла брови:

— Да, надо же — как ты отгадала! Здравствуйте, Евгения Павловна!

Соня протянула гладиолусы учительнице:

— Это Вам! — Но та строго посмотрела на неё и сказала: «Подожди, вот сейчас будет линейка — тогда и подаришь.»

Линейка показалась Соне бесконечно долгой, и когда, наконец, все дети выбежали дарить цветы, она спокойным шагом подошла к учительнице и без слов отдала букет. Цветы уже не казались такими красивыми, как будто из них за время ожидания понемногу уходила радость.

Войдя в класс, Соня сразу села за первую парту, но не прошло и пяти минут, как их пересадили, и Соня, как самая рослая, оказалась «на Камчатке», рядом с толстым веснушчатым мальчиком, от которого пахло семечками. Ну, ничего, зато рядом, в шкафу у задней стенки, оказалась большая стопка новеньких красивых учебников. От них пахло свежей краской, и спрессованные страницы приходилось разлеплять. Соня схватила «Природоведение», но зоркая Евгень Пална тут же среагировала:

— Учебники не брать, вот раздам всем — тогда ещё насмотришься!

Жалко. Ещё два урока снова было скучно. Объясняли, что такое школа, что дети должны учиться, чтобы потом получить профессию, и что те, кто плохо учится, будут мало зарабатывать и не принесут пользы людям. Наконец-то выдали учебники, но до конца второго урока читать их так и не разрешили. И в первый день так и не успела ни с кем поговорить, если не считать соседа по парте, который тайком, под партой, предложил семечки. Соня вежливо отказалась, но в ответ подарила симпатичную закладку со смешной таксой.

— Тебя как зовут?

— Коля. А тебя?

— Соня. — Ну вот, хоть с кем-то познакомилась.

Сразу после уроков мама забрала её домой, был торт и новое платье в синий горошек, которое Соня сразу же невзлюбила — пуговицы были на спине, и, чтобы одеться, ей нужно было кого-то звать на помощь. Глупое платье. Но, чтобы сделать маме приятно, Соня не сняла его сразу, а сидела в нём за столом, как дура.

Странно, но почему-то всё оказалось не так, как ей думалось сначала. На уроках нельзя было задавать вопросы не по теме. А перемены были такие короткие, что тоже не успевала ни о чём спросить. Учителя вечно куда-то спешили, на любой вопрос говорили: «Тебе это знать ещё рано, это слишком сложно, вот в старших классах...» Одноклассники вместо ответа на её вопросы только смеялись, мальчишки крутили пальцем у виска. Маме вечером тоже было некогда, и всё, что она говорила: «Иди, почитай книжку!» Но в книжках ответов почему-то тоже не было. А так хотелось узнать уже сейчас!

Почему бабочка умирает, если ей потрогать крылышки? Почему растения растут? Как птицы поворачивают в воздухе? Почему ветер дует то в одну сторону, то в другую? Почему девочки и мальчики такие разные? Почему люди так часто не понимают друг друга? Вопросов было много.

Ждать не хотелось.

И Соня начала спрашивать по-своему. Перед тем, как заснуть, она «загадывала», что хочет узнать. И она знала, что, если спросить правильно, к утру вопрос решится...

Евгению Павловну эта девочка просто раздражала. Да, Софья постоянно тянула руку на уроке и готова была рассказать многое из того, что первоклассники ещё не проходили. Но рассказы девочки были излишне подробными, изобиловали просторечиями и кардинально отличались от материала в учебниках. Можете себе представить, про древние цивилизации она выдала — что, мол, математика и астрономия у них были лучше развиты, чем в современности, и лазер у них, видите ли, был, и летательные аппараты у них были лучше. И всё подробно, в деталях рассказывает, с какими-то техническими словечками! И где только нахваталась? Начиталась фантастов, а теперь выскакивает с места некстати, срывает план урока.

В её тетрадках было не к чему придраться, и Евгения Павловна, поджав губы, ставила пятёрку за пятёркой, но эта девочка для педагога высшей категории с двадцатилетним стажем была хуже двоечника Федюнина, который до сих пор читал по десять слов в минуту. Неудобная девочка.

Засоня

Этим утром Соня летала, как на крыльях. После ночного полёта ей казалось, что весь мир вокруг стал ярче и радостнее. Лужи во дворе сияли алмазами, небо было прозрачным, как хрусталь, а мама — самой милой мамочкой на всем свете. Даже вредный Пашка Сорокин казался совсем не вредным, а просто мальчиком, с которым весело было играть в догонялки по школьному коридору.

Соня с трудом дотянула до большой перемены, чтобы поделиться радостью с лучшими подругами. Надо рассказать, что там, на дубе в парке — гнездо белок.

— Маша, там так здорово, там даже летать можно!

— Где — летать? Во сне? Ну, мне тоже снилось, что я во сне летаю. Мама говорит, что, когда дети во сне летают — это значит, они растут.

— Да нет, там по-правде можно летать, я специально над домом пролетела, и в парке на дуб села. Я была не девочкой, я была... — договорить ей не дали.

— Да врешь ты всё, никем ты не была, просто тебе приснилось, и всё! Так мы тебе и поверили — летала она! — Настино лицо отчего-то стало злым и серым.

— На дубе сидела! А с дуба ты не падала, случайно? А то очень похоже! — Маша неожиданно толкнула Соню, та упала и больно ударилась коленкой об угол стула.

— Вы что? — день вдруг померк, солнце спряталось, и на глазах выступили предательские слезинки. Соня терпеть не могла, когда кто-нибудь видел, как она плачет. — Ну и дурочки! — и она стремительно выбежала из класса. Всю большую перемену Соня просидела в кабинке девчачьего туалета на четвертом этаже школы. Она тихонько хлюпала носом, стараясь, чтобы не слышали старшеклассницы, курящие и сплетничающие рядом с умывальниками.

Ну и пусть. Она всё равно будет летать. И вовсе не обязательно кому-то об этом рассказывать. Всё равно они не верят. Но это же так здорово! Они же не пробовали! Как они могут говорить, что она выдумывает, если не пробовали? Никто не верит. Даже мама. Соня боялась, что даже папа не поверит, если она ему расскажет...

В класс она специально зашла перед самым звонком. Села за парту, стараясь даже не смотреть в сторону теперь уже бывших подруг. А они, тихо пошушукавшись, запустили по классу записку. И каждый, кто её читал, сначала смотрел на Соню, а потом тихонько прыскал со смеху в кулачок. Увидев это, Соня прямо посреди урока встала, подошла к парте, за которой читали теперь записку, и вырвала её из рук читавшего. «Соня засоня сдуба упала зубы сламала!!!» У девочки на карикатуре были смешные крылышки, как у оципанной магазинной курицы, а рот довольно растянулся в улыбке, обнажив недостаток передних зубов. У Сони, и в самом деле, выпали два молочных зуба, а коренные ещё не выросли, из-за чего она и без того переживала. Но, поскольку было решено больше не плакать, а оставлять такое безнаказанным было нельзя, она подошла к парте подружек, порвала перед ними записку на клочки, а потом быстро засунула обрывки Маше за шиворот. Подумав, что Настя тоже должна понести часть наказания, Соня выхватила у той карандаш и демонстративно сломала. Опомнившаяся учительница начала что-то кричать, но Соня просто молча собрала свои вещи и так же молча вышла из класса.

— И без матери можешь не возвращаться! — долетел до неё последний крик Евгень-палны.

— И не вернусь, — буркнула она себе под нос. Ей теперь вообще казалось, что со школой отныне покончено. Всё равно никто не смог ответить на её вопросы, и никто её не слушал. Только хотели, чтобы она всё время что-то писала, решала, пересказывала то, что и без того

все знали. Писать она умела, считать папа её научил ещё в три года, а уж интереснее чтения могли быть только ночные полёты.

Вечером мама, вернувшись с работы, услышала:

— Я больше не пойду в школу.

— Как это — не пойдёшь? Все ходят — и ты пойдёшь. Что-то случилось? (Опять капризы её, надоело уже. То одно не так, то другое не эдак, не ребёнок, а катастрофа)

— Ничего. А можно учиться дома?

— Ты что, дорогая, думаешь, я тебе учителей на дом водить буду? Будешь ходить, как миленькая. Я тебя с таким трудом в эту школу устроила, а теперь — не пойдёшь, как же! Чем тебе школа не угодила? (Вечно она не как все, у всех — дети как дети, учатся, в кружки ходят, а у неё только книжки да фантазии на уме).

— Я больше в эту школу не пойду.

— Не пойдёшь — я тебя за ручку отведу.

— А я всё равно с уроков уйду!

Нет, ну что за упрямая такая!

— Да что случилось-то?

— Ничего!

На следующее утро в школу пошли с мамой, прямо с утра, в кабинет директора. Была вызвана Евгения Павловна, которая в твёрдой форме заявила: «Ребёнок неуправляем, ведёт себя неадекватно, и вообще, я бы очень советовала сводить её к невропатологу». Вызвали с уроков Настю и Машу, от рассказа которых взрослые пришли в полное замешательство. В итоге завуч отвела Марину в сторонку от Сони, аккуратно взяв за локоток, и, поджав губы, сказала:

— Знаете, Марина Николаевна, я, конечно, ничего против вашей девочки не имею, но у нас школа непростая, большие нагрузки... Мне кажется, это могло послужить источником стресса для ребёнка. Я рекомендую Вам перевести девочку в обычную школу. У Вас ведь, кажется, по месту жительства — тридцать первая школа? Неплохая школа, маленькая, спокойная. Там девочке будет лучше.

Первая тетрадь

30 октября

Вчера во сне я летала. Я была сова. Я летела очень высоко. И видела наш город. Потом я увидела большое дерево в парке. И села на него. Я увидела как внизу ходят люди а я сижу наверху. Дерево было старым и широким но я цыплялась своими коготками. Мне было не страшно. Ещё я видела что на том дереве живёт белка и у неё есть там дупло. Белка убижала когда увидела меня. Летать мне понравилась очень. Я ни буду никому рассказывать что я летаю или что делаю во сне. Если меня не спросят.

Я низнаю пачему меня неслушают и неверяют. И пачему другие невидят то что вижу я во сне. Я хачу рассказать всем но не буду больше рассказывать Мама говорит я пойду в другую школу рядом с нами.

В новой школе ей понравилось даже больше. Учителя удивлялись, почему из английской спецшколы прекрасно успевающую девочку перевели в их, обычную. Одноклассники оказались вполне нормальными ребятами, и Соня быстро со всеми подружилась. Только про свои ночные приключения она никому больше не рассказывала. Вместо этого Соня выпросила у мамы красивую толстую тетрадку.

Первая запись в дневнике далась нелегко. В школе прошли уже все буквы, но писать длинные слова без отрыва было пока очень трудно. И некоторые слова, которые так просто было сказать вслух, совершенно невозможно было написать. Но самое трудное было, оказывается, не это. Просто описать словами то, что во сне ощущаешь совсем иначе, оказалось невозможным. Как описать, чем пахнет дерево? Или как, оказывается, интересно устроены крылья? Или о том, как во сне видишь всё, что хочешь — хоть близко, хоть далеко...

Но Соня училась, и каждая запись в дневнике становилась всё длиннее.

10 декабря

Севодня мне захотелось увидеть наш земной шар. Мы учили на природоведении что наша планета круглая и крутится вокруг солнца. И там были снимки земли с ракеты. А во сне я видела что земля не такая круглая как мяч а немного прижатая какбуто на мяч надавили сверху. И в космосе очень темно и только звёзды как крошечные точки и их очень много. Мне показалось что там на меня кто то смотрел но я не знаю кто это. Я хотела ево увидеть но немогла. И я захотела назад на землю и полетела и проликала черес тучи. Я думала раньше они мягкие как вата а они как туман и там пахнет как после дождика. Я летела долго но могла лететь быстрее но не хотела. Ещё я не была уже совой а кем была незнаю. Когда я прелетела домой я видела как я лежу в кровати. А потом я праснулась. Я спрашивала у Натальи Андреевны пачему земля не круглая а прижатая как будто её стукнули а она сказала что не знает и засмеялась и сказала что мы будем это проходить в старших класах. И ещё я спросила откуда взялась земля и учительница сказала что это никто точно не знает. Мне кажется ктонибудь всётаки знает. Я видела у старшеклассников учителя он очень старенький и добрый. Он наверно прочитал много книг у него такие толстые очки. Я спрошу у него он мне расскажет.

Физик

Учитель оказался и вправду очень добрым. Когда Соня начала заваливать его вопросами, он тихо рассмеялся, отчего очки на его переносице начали мелко подпрыгивать, а потом очень уважительно спросил:

— Из какого же Вы класса, милая барышня?

Так с Соней ещё никто никогда не разговаривал.

Лев Яковлевич, казалось, не замечал, что перед ним — первоклассница с расплетающимися косичками. Он всегда разговаривал как будто немного не со своим непосредственным собеседником, а просто делился с окружающим его миром тем, что он об этом мире узнал. И выходило это у него так необычно, как если бы он узнал о каждом чуде физики вот только что, и так удивился, что до сих пор не может прийти в себя, и слова переполняли его, иногда вылетая не в свой черёд. А иногда он замолкал ненадолго, как будто что-то вспоминая, и от этого становилось вдвойне интереснее, когда он начинал говорить снова.

Соня стала часто приходить к нему после уроков, просто посидеть на задних партах, пока отстающие старшекласники на передних «подтягивали хвосты». Он даже с ними разговаривал всегда очень уважительно и терпеливо, и очень расстраивался, когда видел, что ученик не понимает его объяснений. Как бы извиняясь, что не сумел доходчиво объяснить, он начинал объяснение заново, но уже другими словами.

У старого физика и Сони обнаружилась общая болезнь. Они оба болели звёздным небом. И несколько раз, уже после того, как занятия были окончены, и Лев Яковлевич был в хорошем настроении, ребятам удавалось «раскрутить» его на зрелище, которое было интереснее всех аттракционов в городском парке. И тогда выключался свет, и на стенах и потолке кабинета физики загорались созвездия, и начинался рассказ. Чего в нем только не было: и чёрные дыры, и параллельные миры, и красные карлики, и белые гиганты. А потом они все вместе пили в лаборантской чай с ароматными ржаными сухарями.

— Лев Яковлевич, а почему Вы стали физиком? У Вас мама с папой тоже были учёными?

— Нет, ребята, мои родители были очень простыми людьми. Мы жили в Одессе, и папа мой тачал сапоги, а мама шила. Тогда ещё почти ни у кого не было швейных машинок, и подушечки пальцев у мамы были шершавые, все в следах от иголок. Как-то раз папа пришёл домой без пальто, а было уже холодно. И мама испуганно вскрикнула, я помню: «Яша, у тебя что — украли пальто?» А он хитро улыбнулся и сказал ей: «Нет, Роза, я просто хочу, чтобы ты сшила мне новое пальто!» Он продал свое пальто и подарил ей швейную машинку. От счастья мама просто не могла сказать ни слова, а потом обняла его и заплакала. — Лев Яковлевич задумался и надолго замолчал.

— А почему Вы из Одессы приехали к нам? Там же море и тепло? — любопытный Пашка всё же унимался.

Старый учитель не сразу ответил.

— Вы, наверное, будете проходить это на уроке истории, ребята. Был такой период в истории нашего государства, когда люди, которые вслух говорили то, что думают, часто вынуждены были менять место жительства, переезжая на север или в Сибирь. Так я здесь и оказался. Но я оставлю историю историкам, они вам это лучше объяснят.

— Лев Яковлевич, а говорить всё, что думаешь — это хорошо? — Соня так долго об этом думала, что вопрос вырвался сам собой.

— Я видел многих людей, которые говорили не то, что думают, а то, чего от них ждали, или то, что им выгодно было сказать. Поверьте мне, ни с одним из них я не хотел бы поменяться местами. Рано или поздно любой человек, который обманывает себя или других, оказывается

лицом к лицу с зеркалом. Иногда сказать правду бывает так трудно, что язык отказывается тебя слушаться. Но соврать или промолчать — ещё хуже. Несказанное, как червь, будет грызть тебя изнутри, пока ты не станешь пустой и никчёмной оболочкой от человека.

Соня представила себя оболочкой, пустой внутри, и ей стало страшно.

20 декабря

Вчера у нас был диктант. И я его написала на пятерку. Но я не учила правила в учебнике. Вместо этого я когда засыпала очень захотела быстро узнать все правила и найти там учителя который бы меня быстро научил. Когда я заснула я попала в школу. Но не в нашу а в какуюто странную, там парты были на разной высоте. Пришел высокий дядечка и сказал занимайся раз пришла. И ещё наругал немного и сказал что сразу всему научится нельзя. Что надо понемногу а то голова испортится. Сказал что его звать Николай Фёдорович. Мне показалось что у нас урок был долгий-предолгий. Он мне рассказывал много, про корень, приставки, суффиксы и окончания. Он так рассказывал интересно и я сказала что обязательно вернусь. Он тогда стал довольный и сказал что я молодец хоть и тороплюсь. А наутро в школе мне стало даже смешно какой диктант был простой. Я быстро написала и Наталья Андреевна сказала что мне пора во второй класс уже. Но я сказала не хочу потому что нельзя спешить а то голова испортится. И все засмеялись.

25 декабря

У нас завтра каникулы. Я закончила четверть только с пятерками и мама купила мне большой торт и новое платье. Торт был вкусный. А вместо платья лучше бы собаку. Но мама не хочет. Мы с Николаем Фёдоровичем занимаемся каждую ночь. Зато скоро я всё-всё смогу в дневнике быстро записывать. И без ошибок. Он говорит, что я быстро учусь. Мы уже прошли весь первый класс, весь второй и немного за третий. Николай Фёдорович смешной, хоть и строгий.

У него длинные пальцы, и он ими перебирает всё время. Он рассказывает про древний русский язык очень интересно. Почему в школе не так рассказывают? Оказывается, он жил на много лет раньше меня. Сначала он учил меня что есть буква ять, похожая на наш твёрдый знак. И ещё одна буква, вместо нашей буквы и. А потом я ему рассказала что этих букв уже нет и он очень обрадовался. Он смешно назвал эти буквы «атавизмы».

5 января

Вовка из соседнего двора хвастался, что он видел тарелку инопланетян. Как она летела через его дачу высоко и зависла над соседским домом. И я тоже хотела с ними встретиться. Но Вовка сказал, что они людей похищают и на свою планету увозят на много лет и там ставят над ними опыты. Я не хочу, чтобы меня похитили, но мне очень хочется хоть глазком на них посмотреть. И чтобы они меня не увидели. Как бы мне это сделать?

10 января

Они совсем не страшные. Может быть, где-то есть и страшные, но те, которых я видела были очень-очень-преочень умные. Они разговаривают не ртом, а как будто прямо у меня в голове.

Я слышала, что это называется телепатия. Но они совсем не такие как мы. Очень спокойные, как рыбы и ещё мне показалось, они не умеют смеяться. Я не смогла с ними долго разговаривать, они стали показывать мне очень много разных вещей, но я их не понимала, а они сделали грустные и сказали что мне ещё надо расти. Я сначала обиделась, потому что прямо как в школе. Но потом подумала что им наверное трудно мне все сразу объяснить. Я обещала им что снова найду их когда вырасту.

2 февраля

Баба Тоня рассказывала, что есть рай и ад. Что если человек хороший, он попадает в рай, а если плохой то в ад. Я не знаю так это или нет. И мне страшно, а вдруг есть только ад и там черти меня схватят. Я очень долго боялась посмотреть. Вчера мама очень на меня сердилась. Я сказала, что по телевизору показывают неправду про Марс что там ничего нет только песок и сказала там есть дороги и мосты. И что там жили люди, но давно. Мама спросила откуда я знаю и я опять не удержалась и сказала про сон. Мама очень кричала и грозилась отправить меня в больницу. Я не хочу в больницу. Папа не даст ей меня положить. Ночью я захотела посмотреть на рай. Но у меня не получилось. Я сразу проснулась как будто меня толкнули. Я заснула снова и оказалась в тумане. Я специально не стала ничего задумывать и просто хотела походить там и посмотреть что там есть. Сначала я шла по берегу какой-то реки, очень большой и широкой. Под ногами была не земля, а камни и мне кажется, что там, где я была всё наоборот. Там земля выгибается как большая тарелка. Я шла долго, но не видела солнца только месяц, но было светло. Потом я увидела очень большой пень чёрный. Я подошла ближе и увидела, что он не сгоревший а как будто тоже каменный. И ещё я не видела травы нигде. Мне там не очень понравилось, но было любопытно куда я приду. И дальше мне стало трудно поднимать ноги они стали тяжёлые. И я услышала в голове как кто-то сказал, иди обратно тебе суда нельзя, ты ещё не готова. Я спросила, кто здесь и мне сказали имя, но я наверно не поняла это не русское имя, Ольгень какой-то. Ещё я спросила, а что нужно, чтобы пойти дальше и мне сказали, нужно знание. Почему-то мне кажется, что они говорили не про школу. Я не знаю у кого спросить. В следующий раз если дойду туда спрошу снова может скажут. А в этот раз сразу меня прогнали и я опять проснулась. Опять немного обидно.

5 марта

Мне было интересно откуда взялись люди на земле. Баба Тоня говорит есть боженька, который нас сотварил. Я хотела его увидеть и спросить, почему мы все разные и почему есть злые люди и зачем люди болеют. У бабушки я видела иконы на которых был мужчина с бородой и с усами в золотых одеждах. Я не могла его увидеть во сне и мне почему-то было смешно оттого как его нарисовали. Но я с ним говорила во сне. Я не знаю как это написать. Его как бы нет, но он везде. И он правда всех нас одновременно видит и очень добрый, но не может сделать ничего, если мы делаем себе плохо сами. Но мне казалась, что он не один и что там ещё есть разные я не знаю кто, но они рядом с ним и далеко тоже есть. Как будто от него кусочки какие-то отделяются и в него вливаются. И если человек болеет это значит он что-то сделал неправильно или думает неправильно. Ещё я поняла, что это он делает так чтобы мы держались на земле. Наверно если его попросить он может научить меня летать не во сне.

11 апреля

Сегодня я снова не стала ничего загадывать или спрашивать. Мне хотелось просто погулять и посмотреть поближе на тот мир. Там очень красиво. У бабушки в деревне тоже красиво, но не так. А там очень яркое небо и все животные очень добрые и с ними всегда можно разговаривать. А трава и деревья и всё что вокруг всё движется, как живое. Но иногда там, где я проходила был туман такой, что я почти не видела куда иду. Если мне становилось страшно я брала в руки свой колокольчик и немного звонила. Тогда туман уходил в небо. Ещё я когда летела обратно и подлетала к земле видела что у людей вокруг них есть как будто шар который светится, ну не совсем шар внизу шире немного. У одних людей эти фигуры большие и ярче, а у других меньше и еле-еле светятся. Я посмотрела на себя и тоже увидела что у меня

тоже есть шар только он не вокруг а как бы передо мной висит, как большая-пребольшая груша. И я сквозь него всё видела. Я не знаю что это такое и почему у меня он в другом месте. Я не знаю у кого спросить.

Ещё мне показалось что внутри всего, и людей и зверей и внутри вещей проходит сеточка из светлых линий. И даже по воздуху она идет только не такая частая. Я хочу спросить у Льва Яковлевича. Он наверняка знает что это.

Бесконечность в обе стороны

Ещё задолго до того, как в школе звенит звонок, можно узнать, что скоро закончится урок. Редкие ученики, которым посчастливилось закончить урок пораньше, сначала тихонечко семянят по коридору, а потом, как только страх быть отчитанными за топот притупляется, скачут вниз по лестницам, перепрыгивая через ступени, рискуя разбиться, но оттого ещё неудержимее радуясь.

И к тому моменту, когда они долетают до первого этажа, на котором в большинстве школ находится столовая, скорость они развивают если не сверхзвуковую, то сравнимую с ралли «Формулы-1».

Поэтому, идя по коридору первого этажа перед окончанием урока, худенькая первоклассница предусмотрительно прижалась к стеночке, услышав на лестнице топот и гиканье. Лестничная дверь распахнулась, выбросив в коридор парочку довольных взлохмаченных подростков. Соня проскользнула по лестнице и быстро взбежала на второй этаж.

И сразу же в ушах взорвался звонок с урока, и из знакомого кабинета то поодиночке, то стайками стали вылетать счастливые старшеклассники. Урок был последним в первой смене, а значит, у Сони была целая вечность, чтобы поговорить.

— А, барышня, какими судьбами? — Лев Яковлевич тоже был явно в приподнятом настроении. Соня уже знала, что в хорошем расположении духа он не мог устоять на одном месте, а смешно переступал с ноги на ногу и мягко улыбался. — Ну что, давайте, задавайте ваши вопросы. Я же вижу, что Вы с этим ко мне пришли, а? — и он хитро подмигнул, одновременно показывая Соне на стул.

Она не стала садиться и начала спрашивать, сплошным потоком, словно боясь, что, если прервется, то вопросы забудутся навсегда.

— Вы говорили, что вселенная бесконечна. Я подумала, что тогда она должна быть бесконечна в обе стороны. Но как это узнать? Вы говорили, что всё состоит из маленьких частиц. Если они тоже состоят из маленьких частиц, а те — тоже из маленьких частиц? И ещё, как это они не разваливаются, как мы не распадаемся? Ведь если частицы маленькие, значит, и сила, которая держит их вместе, тоже маленькая, значит, самые маленькие частицы уже почти ничего не держит? А ещё Вы говорили, что всё вокруг — и свет, и звук, и магниты — это волны. Значит, внутри нас тоже — волны? Просто маленькие? Значит, каждую минуту всё внутри нас меняется? Почему мы сами этого не замечаем? А ещё как понять, что видит или слышит другой человек? Вот я, например, вижу синее небо. И я думаю, что оно синее. А другой человек, может быть, видит совсем другой цвет, но ему просто давно сказали, что небо синее, и он называет этот цвет синим?

Она бы говорила ещё долго, но учитель вдруг взял её голову в свои руки, посмотрел в глаза долгим странным взглядом, а потом сказал:

— Знаешь, я ведь знаю так мало! Но я расскажу тебе всё, что знаю. И я верю, что ты когда-нибудь найдёшь ответы на свои вопросы.

И они начали заниматься каждый день. Каждый день после уроков Соня приходила в заветный кабинет номер два, и сначала читала книги, заботливо отложенные для неё на задней парте, а потом снова задавала вопросы.

А ночью, во сне, занятия продолжались, но уже с другими учителями...

Энже

Соня так соскучилась по бабушке, по Чернышу и по лесу, что уговорила маму отправить её в деревню сразу после окончания занятий в школе. На этот раз папа её не провожал, мама просто посадила в электричку, договорившись со знакомой, сходящей на этой же станции, а с электрички должна была встретить бабушка. Сидя на деревянной скамейке, Соня рассматривала людей, едущих в одном с ней вагоне. Какие у них спокойные лица... Рядом сидела бабушка-бурятка, в самодельных кожаных сапогах и ярком вышитом переднике. От неё пахло горькими незнакомыми травами. Морщинистые загорелые руки неподвижно лежали на тёмной деревянной трости. Казалось, она может сидеть так часами, невозмутимая, молчаливая, но совсем не грозная.

От города отъехали уже далеко, и за окнами сплошной зелёной полосой проносилась тайга, лишь изредка прерываясь проплешинками поселков и узкими полосками дорог. Вдруг бурятка повернулась к Соне, посмотрела прямо в глаза долгим немигающим взглядом и тихо сказала:

— Меня зовут Энже. Вырастешь большой, сильный, твой алга высоко летать будет. Не бойся никого, дам тебе онгон-защитника. Надо беречь и человек нельзя показывать.

Она вложила в Сонину ладонь что-то мягкое и пушистое и твёрдо повторила: «Беречь.» От удивления Соня послушно спрятала подарок в карман джинсов и тихо пролепетала: «Спасибо». Бурятка тихо рассмеялась и пробормотала что-то непонятное на своем языке. Остаток пути Соне очень хотелось спросить Энже, от чего же защищает этот «онгон», но, каждый раз косясь на странную бабушку, девочка робела и не могла вымолвить ни слова. Наконец, объ-

явили её остановку, и, надев на плечи рюкзачок, Соня поспешила к дверям. Энже помахала на прощанье и снова погрузилась в дрему.

Бабулю она заметила сразу, ещё спускаясь по крутым железным ступеням на перрон. С трудом сдерживаясь, чтобы не побежать со всех ног, Соня перебралась со всеми через залитые мазутом пути, аккуратно ступая, чтобы не испачкать новые сандалики. Обняв бабушку, Соня вдыхала исходящий от неё сладкий запах сена, молока и печного дыма.

— Совсем ты стала большая, скоро выше меня станешь. Ну, пойдём домой. У Маньки козлятки, будешь играть с ними? И Черныш обрадуется, поди.

— Бабушка, а что такое «онгон»?

Бабушка остановилась, внимательно посмотрев на Соню.

— Надо же! Где же ты это слово услышала? — Соня молчала, как партизан. — Ну, не хочешь говорить — не надо. Онгон — это у местных шаманов что-то вроде талисмана. Сама я такие только раз видела, у дядьки Никона. Гляжу — лежит кусок кожи разрисованной, я было хотела прибрать, так он даже прикоснуться не дал, меня отодвинул, а штуку эту в тряпицу завернул и за пазуху убрал. Я над ним подшучивать стала — мол, это тебе на шапку аль на шубу. Тогда Никон мне и рассказал, что это такое. Онгон, говорит, шаману помогает и от злых духов защищает, когда шаман по другим мирам ходит. Давно это было уже, а как сейчас помню.

Уже дома, разложив свои вещи из рюкзака, Соня тихонько достала из кармана подарок бурятки и внимательно его рассмотрела. Несколько пёстрых пёрышек были причудливо связаны кожаной бечёвкой. С бечёвки на толстых разноцветных нитках свисали три красивые деревянные бусины и небольшая медная подвеска в виде совы. Пёрышки приятно щекотали ладошку, и вообще, держать этот самый онгон почему-то было очень приятно, как будто это — не пучок перьев, а маленькое живое существо.

Посиделки

Летом в деревнях появляется радость. И причина её — даже не в потеплении, и не в поспевающем урожае. Почти с каждой электричкой по деревенской дороге шагают с чемоданчиками бледные ребяташки, и у каждого двора с ними здороваются местные бабушки-дедушки, восхищаясь тем, как выросли Маши-Саши-Серёжи за год. Потрошатся к приезду жирные куры, варятся волшебные бульоны, и отвыкшие от цельного молока детские организмы впитывают его литрами, рискуя не добежать до деревянного строения с круглой дыркой в полу. И за недолгие эти летние месяцы изливаются на внуков потоки любви и обожания, накопленные стариками за дождливую осень, холодную долгую зиму и яркую от предвкушения встречи весну. Дети обретаю́т долгожданную свободу и с легкостью вытряхивают из головы знания, с таким трудом закачанные школой.

Вечером, когда спадает жара и уже нельзя купаться, дети кучкуются на лавочке перед чьим-нибудь домом. Возникают из ниоткуда скрученные на огородах, ещё не успевшие дозреть подсолнухи, припрятанные от взрослых колоды карт, и начинаются разговоры.

Детские разговоры — это, пожалуй, тема, не раскрытая ни одним писателем, потому что, как только писателю становится чуть за двадцать, он вспоминает темы и содержание разговоров с неохотой и явным смущением, и уж, конечно, не рискнет опубликовать их во «взрослой» прессе. Если к кучке детей подходит ненадолго кто-нибудь из взрослых, дети сразу замолкают, посмеиваясь тихим эхом о чём-то своем.

— А Руслашка в Таньку влюбился! Правда, Русланчик? — Русланчику было от силы лет шесть, и «Танька» — практически взрослая барышня лет пятнадцати, довольно хихикнула, и, исподтишка взглянув на соседского Митьку, громко похвасталась:

— Ага, он вчера у бабки с палисадника все бархатцы повыдергал и ко мне принёс, под калитку положил. Иди ко мне, Русланчик, я тебя поцелую!

Смущённый мальчишка насупился и выкрикнул:

— Сама ты влюбилась! — но красные щёки выдали Русланчика с головой.

— А я давеча видела, как Сонька, Петровны внучка, идёт по тропинке и сама с собой шепчется.

— Ага, блажная она какая-то!

— Или ведьма! Она всё время что-то шепчет тихонько. А я у неё спросила, что ты шепчешь, а она сказала — с лесом разговариваю.

— Точно ведьма. И бабка её страшная, как глазом зыркнет!

— Ага, глазом зыркнет — а кто ж у неё на огороде всю малину втихаря пообьел? Не ты ли, Олежка? Да я б после такого на тебя не только глазом зыркала, а в глаз дала бы!

— А пёс у них — видели, какой? И подойти страшно, огромный. По телику показывали собаку Баскервиллей — так этой псине в самый раз там сниматься.

— Ой, Димка собачки испугался! Да Черныш ихний сроду мухи не обидел. У нас вон сколько раз куры в их двор забежали — так он даже ни одну не придушил.

— Зато мне дядь Коля рассказывал, что, когда в позапрошлую зиму молодой шатун из лесу вышел, этот Черныш на него кинулся, так, что медведь обратно в лес дёру дал. Не, Черныш классный, а Петровна не страшная, она просто баба суровая. А вот Сонька, и впрямь, с закидонами. С нами не сидит, всё со своим псом по лесам шастает.

— А я, знаешь, что скажу? Она с лесным хозяином водится.

— Ну, ты брехать горазд. С чегой-то?

— Вот ты в лес в шортиках да в футболке если пойдёшь, долго там высидишь? Комарьё да гнус сожрут заживо. А на ней ни укусов, ни расчёсов не видно. Это как? Я ж говорю, заговоры она знает. Мне вообще бабка говорила, у них в семье ведьмак был. И ещё говорила, если какой

человек с лесным хозяином договорится, его ни комар, ни зверь в лесу не трогает. Дай семки, у меня закончились.

— Карты прячьте, батя идёт!

Скрипнули петли калитки, и тут же раздался низкий голос хозяина:

— Так, картёжники, быстро по домам! Двенадцатый час уже!

Неохотно, демонстративно громко вздыхая, дети разошлись каждый к своему двору. Заскрипели калитки, полаяли и замолкли собаки, и скоро деревенские улицы погрузились в сонную тишину.

Лес

Утром Соня просыпалась рано. В городе ни за что бы в каникулы в пять не проснулась — спала бы до одиннадцати. А здесь было столько интересного, и так жалко было тратить время даже на сон!

Наскоро попив парного молока с краюхой хлеба, Соня оделась и выбежала из дома. Прохладная вода в уличном умывальнике пахла совсем не так, как из-под крана, в городе.

Бабушка с утра уже сутилась на заднем дворе. Сытые куры довольно доклевывали пшено в деревянной кормушке, иногда щурясь круглыми стеклянными глазками на яркое солнце, и лишь время от времени гонял их с места на место молодой дерзкий петух. Пахло керосинкой, на которой с утра варился корм для цыплят.

Черныш, увидев Соню, сразу встал, зазвенев цепочкой, шумно встряхнулся и навалился передними лапами на заборчик. Казалось, что пёс улыбается, предвкушая прогулку по лесу. Соня покормила его вынесенной из дома сосиской, и не успела увернуться от большого шершавого языка, лизнувшего её щеку.

— Бабушка, я гулять! К обеду буду!

Заодно Соня всегда брала с собой рюкзачок — в лесу много чего хорошего можно найти: и травы в бабушкину аптечку, и красивые коряги, и грибы, и кедровые шишки.

Солнце стояло уже высоко, когда они с псом дошли до старой охотничьей заимки. Домик почти развалился, зато рядом с ним Соня обнаружила большую земляничную поляну. Наевшись душистых сладких ягод, Соня почувствовала, что устала, и решила подремать здесь же, постелив на траве пледик. Провалилась в сон, как никогда, быстро.

Лес изменился. Он был живым. Каждое дерево переливалось на солнце всеми цветами радуги.

Воздух вдруг наполнился сотнями звуков, и каждое живое существо вело в этом оркестре свою мелодию. Соня пошла дальше в лес, как будто какая-то сила звала её за собой.

Там, в глубине прохладной чащи, слышался низкий гул. Когда-то папа показывал Соне электрическую подстанцию — гул был очень похож, как будто там, в земле, заключена была огромная сила. Она подошла ближе, и гул усилился, став почти невыносимым, а кончики пальцев стали колоть десятки иголочек.

Идти дальше было очень страшно, но почему-то было чувство, такое же, как когда мама будила в школу: «Надо!». И Соня шла и шла, приближаясь к чему-то необъяснимому. Ноги ступали сами по себе, как будто в тяжёлом густом киселе. Никогда ещё во сне Соне не было так тяжело идти.

В какой-то момент лес вывернулся наизнанку, и небо перевернулось. Деревья остались по ту сторону земли и теперь нависали над головой неподвижно. Руки развернулись, и ладони легли на тёплый упругий воздух, как на что-то твёрдое. Самое удивительное, что Соня всё это отмечала тихонько про себя. И в этот момент даже улыбнулась: не так уж ошибались древние люди, считая, что небо — это «твёрдь». Только вот учительнице этого, опять же, не расскажешь...

Как будто какая-то сила держала её над землей, не давая даже приблизиться. Лес был очень красивым, окутанным туманной дымкой. Соня увидела, как деревья медленно дышат, отдавая тёплые живые потоки вверх (или теперь — вниз?). А в том самом месте, к которому Соня подходила, эти потоки просто сливались в большой солнечный столб, как если бы там, под землей, пряталось второе солнце, и ему там было так тесно, что оно силилось вырваться, выгибая землю холмом и вырываясь через лопнувшую на его вершине земную кору.

Присмотревшись, Соня увидела тут и там, в разных местах над большой Землей, такие же столбы. Ей показалось, что это — колонны, на которых держится небесный свод. Неожиданно её стало притягивать к тому месту, где она заснула, и она снова оказалась там же, в лесу.

Теперь она увидела, что деревья — совсем не такие, какими она их привыкла видеть, что каждое из них тянется куда-то глубоко-глубоко под землю и уже там, на глубине, соединяется в единую живую сеть, гораздо более древнюю, чем каждое дерево в отдельности. Она очень удивилась, увидев, что ветер, который ей всегда казался лишь бестолковыми потоками воздуха, — это всего лишь слабое отражение, «эхо» тех потоков, которые носились под землей.

Там, на глубине, что-то двигалось, вертелось, ходило волнами. «Трава шевелится, потому что дует ветер, или ветер дует потому, что трава шевелится?» Теперь Соня не смогла бы с прежней уверенностью ответить на эту «детскую» загадку.

Потом лес окончательно ожил, и от большого старого кедра «отслоился» тёмный силуэт. Было уже не страшно. Почему-то Соня мысленно поздоровалась с ним, как будто это был старей-престарый дедушка. Появилось ощущение, что он очень пристально смотрит на неё, как будто решая, стоит с ней общаться или нет. Дальнейшее пересказывать словами уже бессмысленно.

Потому что совершенно без слов Соня вдруг поняла, кто к ней пришёл, откуда он, и что он не желает ей ни зла, ни добра, и для него нет времени, а есть только огромная сила,

хранящая и этот лес, и всё, что в нём находится, и Соню, раз уж она здесь очутилась. Она поняла, насколько важна эта сила, и как хрупок был бы мир без неё — и рассыпался бы на тысячи тысяч осколков.

Если нет времени, то некуда спешить. И все, что случается, случается вовремя. И я никогда не умру, подумала она. Просто я стану другой, в другом месте. Я, как волна, перетеку куда-то дальше.

И лес был снаружи и внутри, она почувствовала, что она — часть леса. Звук её дыхания исчез, смешавшись с шелестом листьев. Камни, земля, воздух — всё было пронизано дыханием её и леса, и стерлись все границы между живым и неживым. Всё было единым организмом, с единым нервом, и копошение маленького жучка одинаково отзывалось в полете филина и течении реки.

Вернувшись из сна, девочка ещё долго лежала, привыкая к новой для себя картине мира.

Подошел Черныш, обнюхал, лизнул в щеку и, поворочавшись, лег рядом, прижался теплым боком. Соня вспомнила мультик про Алису в Зазеркалье и подумала, что неспроста та девочка тоже сначала заснула...

Сова

Соня бежала так, что светлые волосы летели по ветру. Когда босой пяткой наступала на шишку, было больно, но от этого бежать хотелось ещё быстрее. Заскочив во двор, она с силой захлопнула калитку и, оказавшись в безопасности (во двор сунуться не посмеют), крикнула мальчишкам:

— Придурки мелкие! — было очень обидно ей, в десять-то лет, удирать от этих «салажат». Но их было двое, и на речке они набрали камешков, один из которых достаточно сильно щёлкнул Соню в лоб, а другой чуть не угодил в глаз. Убедившись, что их снаряды больше не долетают до Сони, они не унимались и продолжали дразнить её через забор:

— Бабка-Ёжка-Костяная-Ножка!

В лес ходила, мухомор варила,

Жабу проглотила!

— Кыш, окаянные! Вот я бабке-то вашей расскажу, как вы тут озорничаете! Уж вас дед Федя хворостиной-то выпорот! Кыш пошли! — на помощь Соне вовремя подросла бабушка. — Вот огольцы! Третьего дня подсолнух у меня скрутили, а теперь ещё и до тебя добрались! Уж я Анютке про них всё соскажу, пущай дед их повоспитывает! Да ты не обижайся на них, это они не со зла, а по-дурости.

— Больно надо, обижаться. Много чести! — выпалила Соня, хотя, конечно, ей было обидно. Главное, за что? Ведь она им помочь хотела, подсыпать для клёва истолчённый анисовый корень. Братья, увидев, что она что-то подсыпает в воду, набросились на неё, обвиняя в том, что она, наоборот, всю рыбу от них отваживает.

Ванька и Колька Тихоновы приезжали в Фоминское, как и многие здесь, к бабушке с дедушкой. Приезжали каждое лето, когда на месяц, а когда и на все три. Погодки, они везде ходили вместе — и на речку, и по грибы, и проказничали тоже вместе, так что уж если влетало — так обоим сразу. Ещё с вечера они договорились рано утром отправиться на дальнее озеро. Об озере этом проговорился недавно их сосед, дядька Шишкарь. Будто бы карпов там столько, что и прикорма не нужно — хоть сачком доставай. Уж и так, и эдак выпрашивали братья у Шишкаря дорогу к потайному озеру, но тот отделивался только намёками и словами: «Я рыбных мест не выдаю». И ведь важничал так, что аж противно стало. А тут, как назло, с утра не клевало на их прикормленной протоке. Ну, хоть бы подлещик, хоть бы шуток какой попался. Это всё та девчонка с её ворожкой!

Что ж, — решили братья, — мы и сами с усами. Коле недавно исполнилось девять, он даже умел стрелять и чувствовал себя практически взрослым. Поэтому за ужином поели поплотнее, натаскали бабушкиных пирожков и набрали в походную флягу воды. Пока Ваня добывал на заднем дворе червей, Коля украдкой готовил снасти. Баба Аня удивилась, увидев, что мальчишки ложатся спать ещё засветло, но не взяла в голову. Подумала — умаялись ребята, пускай поспят... У тех же были уже собраны рюкзаки, и, догадайся бабушка заглянуть под одеяло, увидела бы, что спят они одетыми. Коле отец подарил наручные часы с вибробудильником, так что ровно в три ночи, никем не услышанные, рыбаки выскользнули из дома.

Утром бабушка, не обнаружив внуков, поняла, что пострелята уже умчались на речку. Но она и представить себе не могла, как далеко на этот раз они собрались порыбачить. Уже вечером, когда бабушка сбилась с ног, обегая все дворы и выпрашивая у всех соседей про братьев, выяснилось, что целый день никто их не видел. Не прошло и получаса, как собрались взрослые со всей деревни, кто с фонарем, кто с факелом, приехали из посёлка участковый и фельдшер... Бабушка, глотая корвалол, причитала и корила себя за то, что упустила внуков. Тут уже и Шишкарь припомнил, как настойчиво выпытывали ребята дорогу к дальнему озеру,

поэтому стало понятно, в какой стороне искать. Вытянулись в цепь, пошли, аукая, гремя коло-тушками, чтобы отпугнуть ненароком встреченного зверя.

Искали почти до самого утра, до тех пор, пока уже взрослые не стали валиться с ног. Решили вернуться в деревню, немного отоспаться, запастись провизией, взять палатки и продолжить поиски основательно. Уже и с окрестных деревень стали приходить люди, прослышавшие о беде, и предлагать помощь. Все понимали, что у ребят, если они уйдут глубоко в тайгу, шансов выжить дольше пары дней немного, — и дело не в голоде и холоде, а в хищниках, для которых два безоружных глупыша — лёгкая добыча.

Соню бабушка разбудила затемно. Рассказала, что произошло, и предупредила, что она тоже отправляется на поиски.

— Ты со мной пойдешь?

— Нет, ба. Я лучше обратно спать лягу, ну их, Тихоновых этих, найдутся, никуда не денутся.

— Да ты что, Соня, осерчала на них, что ли? Они же дети малые, ну, подумаешь, подразнили, так ведь это ума нет ещё. Ты же старше, грех обижаться, пойдём?

— Нет. — Соня отвернулась к стене.

— Ну, как знаешь. Еда на столе. — Сонино безразличие удивило Антонину Петровну, но разбираться было некогда. Она достала из сундука двустволку, патроны, быстро оделась и вышла.

Ночью в тайге страшно. Это только в кино всё просто — разжёл костер, разбил палатку... Ночью в тайге тихо. Так тихо, что кажется, будто сосны вот-вот наступят со всех сторон, нависнут над головой тяжёлыми ветвями, придавят широченными стволами и уже не выпустят никогда. И от этой тишины каждый услышанный звук становится пронзительно-громким, не ожи-

данным и пугающим. Мальчишки с горем пополам наломали лапника, исцарапав все руки, сложили его в большую кучу и залезли вглубь её. Они жались друг к другу. Коля, как старший, обнимал Ваню, но ему самому было страшно так, что сводило зубы, и каждое слово давалось с трудом.

Они поняли, что окончательно заблудились, когда не смогли найти не то что озеро, к которому стремились, но и дорогу, по которой пришли сюда. Пошёл дождь, и промокшая одежда уже не грела. У Коли в часах был маленький компас, но со стыдом и ужасом он вынужден был признать, что не умеет им пользоваться. Тогда Ваня заплакал, а за ним заплакал и Коля, и уговаривал младшего не плакать. Наревевшись вдоволь, они доели последние пирожки, допили воду и постарались хоть как-то устроиться на ночлег.

Заснуть было очень трудно, потому что редко-редко, но шуршали вокруг какие-то звери, скрипели от ветра сосны, а иногда вдалеке строго ухала сова, будто бранясь: «Ушли? Зачем? Ушли!»

Только глубоко за полночь, совсем измученные, они наконец уснули.

На ветку села совершенно белая сова с янтарно-желтыми глазами. И показалось совершенно естественным, что сова заговорила с ними человеческим голосом. Да ещё с насмешкой, с издевкой:

— Что, страшно вам здесь одним? Звери дикие вокруг шастают? И кто ж вас гнал в такую даль? Чего вам дома не сиделось, у бабушки с дедушкой? Героями захотелось побыть? Рыбку большую поймать? Вот, посмотрите на себя теперь, герои! Как вдвоем на одну девчонку, так вы шибко смелые! Вся деревня вас ищет вторые сутки, а вы тут спите, как котят!

И они вдруг увидели себя и свое убежище высоко сверху, с высоты птичьего полёта. И увидели совсем рядом, на востоке, всего в часе-полтора быстрой ходьбы, небольшую аккуратную деревушку. Из труб тянулся сладкий дымок, лениво ходили по пригорку коровы, и спешила к колодцу дородная баба. Белая сова, взмахнув крылом, описала круг над деревней, и сверкнул серебром на солнце бубенец на пернатой шее.

Братья проснулись одновременно. Солнце уже взошло, стало тепло, и даже одежда у мальчишек успела просохнуть. Коля первым огляделся и сказал: «Я знаю, куда идти! Мне во сне сова...» — и тут он понял, что не сможет объяснить, что с ним произошло во сне. Но Ваня, с округленными от удивления глазами, закричал: «Мне тоже сова дорогу показывала!» Ошеломлённые, они с минуту смотрели друг на друга, а потом, не сговариваясь, побежали в нужном направлении, что было сил.

Не прошло и часа, а они уже сидели в избе, в той самой деревне, и ели захлеб вкуснейшие горячие щи со сметаной. Хозяйка крайнего в деревне дома, в который они вбежали, запыхавшиеся, но счастливые, сначала не поняла, о чём ей пытаются наперебой рассказать двое чумазых и оборванных ребятишек. Заставила рассказывать Колю, а поняв, в чём дело, всплеснула руками, усадила мальчишек за стол и побежала в сельсовет, звонить в Фоминское.

Оказалось, что от родной деревни отошли они почти на тридцать километров. Через час их, умытых и переодетых во всё чистое, забрал председательский «газик» и повёз домой.

Счастью бабки, уже не чаявшей найти внуков, не было предела. Дед сгоряча схватился было за хворостину, да отговорили, и он, поостыв, тоже кинулся обнимать мальчишек и ласково трепать их за волосы. А баба Аня всё приговаривала: «Ах вы, нехристи, что ж вы с бабкой-то делаете! Чуть жизни через вас не лишилась!» Успокоившись, стали расспрашивать, — что, да как. Слово за слово, оба мальчишки рассказали свой сон. Убедившись, что ребята не выдумывают, взрослые посчитали такое спасение чудом. Говорили, что и раньше в тайге были

похожие случаи, когда заблудшему снилась дорога к людям. Дядька Шишкарь обещал, когда дед разрешит, сводить ребят на то самое озеро, которое они искали.

С тех пор Колька с Ванькой притихли, и озорничать стали заметно меньше. Много раз обсуждали они промеж себя случившееся с ними в тайге. Вспомнили всё — и как сова насмеялась над ними, и то, что бубенец на её шее был «аккурат такой, как у Соньки на цепке». Задумались... На рыбалку им, за их провинность, ходить дед пока строго-настрого запретил. А поскольку без дела братья сидеть не любили, они решили выяснить получше, что за девчонка живет по соседству. Приметили тропинку, по которой она часто уходит в лес, взяв собаку, и решили проследить.

Следить пришлось издали, потому как пёс мог учуять, если бы они подошли чуть ближе. Странная она какая-то. Вроде и обычная, травы пошла в лес собирать. Так многие в деревне травами промышляют — насобирают, насушат, а потом в городе в аптеки сдают. Но Соня каждый раз тащила в рюкзаке покрывало: придёт в лес, травы нарвёт, а как рвёт траву — всё с ней разговаривает, как будто извиняется. А потом идёт на полянку на утёсе. Постелет себе покрывало там, ложится на спину и спит. И собака рядом тоже спит. Они сперва эту полянку чуть не пропустили. Видели — шла по тропинке, а потом раз — и нет её, пропала. Но Колька прислушался, и поманил брата вправо, через кусты. И тут же пришлось остановиться и присесть, потому что девочка была совсем близко. Братья долго сидели, притаившись, и наблюдали: Соня лежала на покрывале, лицо её было очень спокойным. Черныш тоже лежал рядом, положив голову на большие мохнатые лапы.

— Поспать она сюда пришла, что ли? — не выдержав долгого сидения, сердито прошептал Ваня.

— Ага, ты думаешь — ей баба Тоня дома спать не даёт? Нет, странная она. Нормальные люди так не спят.

Прошло ещё добрых полчаса. Девочка всё так же лежала неподвижно, и только Черныш изредка бросал строгие взгляды в сторону мальчишек, заставляя их сидеть ещё тише. Наконец, Ваня снова не выдержал:

— Тихо-то как!

— А ведь точно! Сколько мы сидим тут, ни ворона не каркнула, ни белка не скакнула. Даже кукушки — и те не кукуют...

— Что-то страшно мне, Коль. Пойдём домой, а то дед увидит, что нас нет долго — нам опять влетит!

Коле и самому уже надоело сидеть, скрючившись, за кустом. Они тихонько отползли из своего укрытия обратно на тропинку и уже там побежали, сразу почувствовав, как будто бежать с каждым шагом становится легче.

С той поры братья никогда не дразнили Соню, а просто тихо сторонились.

Церковь всепрощающая

Галина Вилевна, Сониная вторая бабушка, мнила себя дамой образованной и умной. Вообще, папу её звали Вилис. Потому что преданный делу партии прадед Сони назвал сына по буквам имен вождей: «Владимир-Ильич-Ленин-Иосиф-Сталин». Но после шестьдесят первого отец поменял паспорт, обрезав ставшие неудобными последние буквы, и изменил документы всем детям, в том числе и дочери. Так Галина стала «Вилевной».

Всю жизнь она прожила в городе, и прожила, надо сказать, неплохо. Выйдя замуж за сына партийного друга отца в девятнадцать лет, закончила педагогический институт, и после его окончания и рождения старшего сына по решению семьи не работала ни дня, если не считать труднейшую педагогическую работу с собственными детьми. За своим мужем она была как за каменной стеной, хотя никогда ему этого не говорила, а, напротив, при любом удобном поводе старалась пожаловаться на его «несносный» характер, вредные привычки и сомнительных друзей. Хотя из вредных привычек у него было лишь редкое курение, а несносный характер не мешал ему безропотно делать после работы практически всю работу по дому, включая мытьё полов и глажку белья, и сомнительные друзья появлялись на пороге раз в месяц, чтобы смущенно постоять и подождать «Павлика», которому супруга давала подробнейшие инструкции относительно поведения, прежде чем «отпустить погулять с друзьями». К слову сказать, именно он и был единственным кормильцем в семье, и на заводе его ценили настолько, что уже к сорока пяти годам он дорос до главного инженера.

Поэтому позже, когда организм мужа не вынес нагрузки на два фронта, и Галина Вилевна осталась одна, она бросила все свои силы на воспитание внуков и внучек. Те почему-то от воспитания всячески уклонялись, что, в свою очередь, служило блестящим поводом повоспитывать собственных детей, обвиняя их в недостаточном почтении к матери.

К несчастью, бывшая Сониная классная руководительница оказалась бывшей однокашницей бабушки. Однажды они встретились, и произошло непоправимое: Галине Вилевне ткнули, можно сказать, в лицо грязной тряпкой! Как же так, её внучка, оказывается, совершенно психически неуравновешена и социально опасна! Этого «прирождённый педагог», естественно, вынести не могла и приняла как вызов своей непростой судьбы.

В тот же день Марина была в экстренном порядке вызвана к маме, у которой уже был свой план по «излечению» Сони. Были подняты все знакомства, и по рекомендации выбран лучший врач-психотерапевт во всём районе. Марину же обвинили в слабохарактерности и в том, что она совершенно запустила дочь, позволив ей развиваться бесконтрольно.

А для закрепления результата решено было сводить девочку к батюшке, окропить святой водой и причастить. Ну, чтобы уж наверняка. Сама Галина Вилевна в церковь наведывалась больше для статуса, по великим церковным праздникам. Освятить пасхальные яйца, постоять со строгим лицом на службе, чмокнуть батюшку в подставленную руку, положить хрустящую бумажку на блестящее блюдо — всё это вызывало у неё ощущение заботы о реабилитированной после перестройки душе. Опять же, нужно было чем-то разбавить идеологическую пустоту, возникшую после падения с пьедестала великих вождей. Из молитв она наизусть помнила только «Отче наш», особо не вдаваясь в смысл и значение слов. Ближе всего были слова про хлеб и прощение.

И, поскольку священники говорили всем, что чем больше платишь за прощение, тем вероятнее, что Бог простит, выбрана для действия была самая богатая и красивая церковь в центре города. Галина Вилевна, как дочь старого коммуниста, к задаче спасения внучки отнеслась предельно обстоятельно. Она заранее сходила к батюшке, описала ему проблему, и вер-

дикт батюшки «беси искушают отроковицу» поддержала, по шагам распланировав процедуру изгнания нечисти из хрупкого сосуда детской души.

Поститься три дня до похода в церковь для Сони труда не составило, она и без того мяса не любила, и гречневая каша с вареньем казалась во сто крат вкуснее пельменей, поедаемых со сметанкой Галиной Вилевной. Заучить наизусть молитву Соню тоже заставлять не пришлось: ей очень понравились старославянские слова и выражения, вот только на все вопросы вроде «как это — избави от лукавого?» бабушка почему-то отвечать отказывалась и говорила, что нужно просто верить, не задавая вопросов. Ну, ладно, может, батюшка объяснит.

Соне показали, как креститься, снова не объяснив, почему это делают тремя пальцами, а не двумя, как крестилась баба Тоня. Извлекли из шкатулки с украшениями и повесили на шею детский серебряный крестик. Нарядили в кружевное платье с рюшами, от которого у Сони сразу зачесалось всё, и опять навесили на хлипкие хвостики большие белые банты с тянущими волосы резинками.

В назначенный батюшкой день торжественная процессия «бабушка-мама-внучка» рано утром, как на линейке, стояла у входа в церковь.

Внутри Соне очень понравилось. Пахло чем-то непонятным, но очень старым, и запах показался очень знакомым. В глубине, в полумраке, раздавалось тихое пение, потрескивали горящие свечи, и грустные глаза святых как будто наблюдали со всех сторон.

Священник предупредил Галину Вилевну, что одержимые бесами люди часто ведут себя в церкви неадекватно, ругаются, дерутся и пытаются вырваться из чутких объятий церкви. Поэтому она морально готовилась к худшему, и, когда Соня смело зашла, перекрестившись, подошла к батюшке и попросила окропить её святой водой, совершенно растерялась. Батюшка, похоже, тоже не был готов к такому повороту, от неожиданности зачерпнув святой воды столько, что чуть не смыл с головы белые банты. На неожиданное Сонино «спасибо» он невпопад ответил «Помилуй тебя, Боже», но потом собрался, расставил всех по местам и приступил к молитве, думая про себя, что что-то идёт не так.

Периодически поверх псалтыря вглядываясь в девочку, повторяющую слова молитв, отец Алексей недоумевал, что в ребёнке могло заставить бабушку думать о какой-то одержимости. Прочитав всё, что полагалось, с великим тщанием, и не заметив следов бесовщины, он пододвинул девочку на исповедь и причастие.

Соня почувствовала, как он укрыл её голову какой-то тканью, и голос сверху спросил:

— Ты знаешь, что такое молитва? — карие глаза удивленно распахнулись.

— Конечно. Это когда разговариваешь с Богом.

— Молодец. А ты разговариваешь с Богом?

— Конечно. Я у него часто спрашиваю, как мне быть. И он всегда отвечает. — Отец Алексей еле ощутимо напрягся. Гордыня или бесы?

— Как он тебе отвечает?

— Просто, в голове. Не словами. А я... вдруг понимаю, как правильно. А вы тоже с ним разговариваете? Ведь священники всё время общаются с богом? — Отец Алексей поспешно кивнул, чтобы у девочки не осталось сомнений, что это именно так.

— А скажите, бабушка говорила, что нужно обязательно ходить в церковь, чтобы спасти свою душу. Разве я не могу сама разговаривать с богом, и обязательно нужно передавать через вас то, что я ему хочу сказать, или что хочу спросить?

— И что ты хочешь спросить, раба Божия Софья?

— Я уже спрашивала, но он мне пока не ответил. Я хотела узнать, почему люди так часто воюют, и убивают друг друга, и обижают. Почему, если он всё может, он разрешает им это делать?

— Потому что у каждого человека есть выбор. Быть плохим или хорошим. Делать добро или творить зло.

— Но ведь он всемогущий, то есть может всё, так зачем он так сделал, чтобы хорошие люди страдали от плохих? И, если мы все рабы Божии, пусть заставит людей не делать плохие вещи. Или зачем нужны пожары, наводнения, землетрясения? Ведь там гибнут и хорошие люди тоже?

Отец Алексей не ожидал, что ему вот так вот придется доказывать правоту божественного мироустройства маленькой девочке. И самое страшное — что он при разговоре с «рабой божией» Софьей начинал чувствовать себя чуть ли не еретиком, ведь она задавала те же вопросы, которые таились в самой глубине его послушного христианского сознания. И полноценного честного ответа он не мог бы дать и самому себе.

И, чтобы изгнать страшную ересь из себя ну и, конечно, из невинной девочки, он громко, во всеуслышанье, провозгласил:

— Пути Господа неисповедимы, и не нам, смертным, сомневаться в справедливости Отца нашего. Только в церкви вы можете ощутить в полной мере Божие присутствие, ибо на храм Божий обращены очи Господа нашего и денно и нощно. Храм — это место, где силы сатаны низлагаются, и прийти в храм — всё равно что припасть после засухи к чистому роднику, питаясь его силой. Кто не ходит в церковь еженедельно, обрекает душу свою на неутолённую жажду, и бесы крепнут в ослабшей душе. И начинают точить душу греховными мыслями: «Почему Бог допустил то, допустил это», — а это не Бог допустил, а люди, поддавшиеся обольщению дьявольскими страстями. Слаб человек, пока он один, аки перст в пустыне безверия. И ещё слабее становится, еже усомнится в милосердии божием. Поэтому и говорят — вера. Ибо не усомняешься, веровать надо в то, что Господь любит нас, детей своих, и не желает нам зла.

Повернулся к Соне обратно и, перекрестив, сказал что-то на старославянском языке про отпущение грехов.

Позже, когда Галина Вилевна и Марина попытались подойти к нему и понять, как там Сониная душа — не загублена ли безвозвратно — отец Алексей издали перекрестил обеих и, почти уже отвернувшись, низким басом задумчиво сказал:

— Чистота сердца — есть величайшее чудо Господа, ибо сказано в писании от Матфея: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

Галина Вилевна, принявшая слова отца Алексея на свой счёт и польщенная, крикнула было в ответ:

— Спасибо, батюшка, мы стараемся! — Но он брезгливо поморщился и добавил:

— Да это не про вас, прости Господи, а про девочку.

И вот тут уже Галина Вилевна задумалась. Может, и правду говорили коммунисты, что религия — опиум для народа?

Цветомузыка

Марина теребила тонкими нервными пальцами яркий шейный платок.

— Доктор, поймите, меня не волнует, что она там, во сне, видит. Мало ли что ночью может присниться. Но ведь нельзя же так — она совершенно уверена в том, что всё, что происходит с ней там — такая же жизнь, как и здесь. Она и меня в этом пытается убедить, и подружек своих пыталась. А те, представляете, родителям рассказали, такой был скандал! — Марина максимально тяжело вздохнула. — Пришлось в другую школу перевести, дети стали травить, пальцем у виска крутить...

— А как Софья реагировала на отношение одноклассников?

— Вы знаете, я думала, что мнение девочек её хоть немного... отрезвит, что ли... Ничего подобного! Сначала она удивлялась, что они её, как она говорила, «понимать не хотят», а потом и вовсе сказала: «Жалко мне их! Не знают, что ТАМ так интересно!»

— А когда она впервые Вам сказала, что её сны — это реальность?

— Ой, сложно сказать, это как-то постепенно произошло. Вы знаете, я сначала думала, что ей внимания не хватает нашего, что из-за развода переживает. Мы развелись с мужем пять лет назад... — Ресницы нервно затрепетали, — Или скучно ей. Но ведь нет! Понимаете, она целую сказку себе придумала, и живёт этим! После того скандала в школе она мне перестала рассказывать про сны, я уже обрадовалась — думала, перебесилась. А недавно нашла у неё дневник. Она, оказывается, там сны записывает. Я чуть с ума не сошла. Там такой бред, я даже при желании такого не придумаю.

— Мда... Ну что ж, ведите свою сказочницу, поговорим. Только, если можно, мы одни, хорошо?

Он ожидал увидеть совсем не такую девочку. Как-то не вписывалась эта девочка с солнечной улыбкой и карими спокойными глазами в психотип девочки-невротика, какой её описала мама. А уж невротиков и просто психов он повидал предостаточно, хотя только год назад закончил мединститут.

— Здравствуйте! Вы — Егор Матвеевич? Мама сказала, что вы вопросы будете задавать, про мои сны. — Девочка смущённо мялась на коврике у двери.

— Здравствуй, Соня! Не разувайся, проходи. Мы можем просто поговорить, о чём хочешь. Если ты не захочешь, можешь не отвечать.

— Можем и про сны поговорить. Может быть, вы знаете, что это такое.

— Соня, а ты часто помнишь, что тебе снится?

— Конечно, всегда помню, — в карих глазах читалось лёгкое удивление.

— Прямо всё помнишь, подробно?

— Ну да, вот вы в кино ходите — после этого кино помните? Я просто просыпаюсь, но это даже лучше, чем кино. В кино — там только смотришь, а я как будто живу, там и звуки есть, и запахи, и как будто двигаюсь. Могу разговаривать с кем-нибудь, могу летать где захочу.

— А ты как думаешь, то, что тебе снится — оно настоящее, на самом деле?

— Я думаю, что на самом, ну или почти как на самом. Я, если что-то хочу, а у меня не получается, засыпаю и говорю себе: «Соня, тебе нужно... ну, например, научиться задачки с иксами решать». И потом сплю, и мне снится, вот как недавно, что я разговариваю с каким-то профессором, очень умным. Он мне всё про эти уравнения рассказал, и я контрольную хорошо написала, быстрее всех в классе.

— А как он выглядел — этот профессор?

— Обычный такой дядечка, высокий — как Вы. Волосы красивые, тёмные. А костюм у него смешной, с таким длиннющим пиджаком и на рубашке кружавчики, ну как у девочек! Да,

он ещё сказал, что его зовут Николай Фёдорович, Кошанский. Я запомнила. Смешная фамилия, да ведь, как «кошка»?

— Да, пожалуй. Соня, а если бы тебе вдруг перестали сниться сны? Ты бы обрадовалась или огорчилась?

— Нет, они не могут перестать. Я просто хочу, чтобы они снились, и они снятся. Я во сне всё-всё могу сделать, могу через стенки ходить, могу летать, или плавать под водой долго-долго. Там, если захочешь, можно всё увидеть — горы, океан, хоть Северный Полюс! Я только к звёздам пока боюсь лететь, вдруг заблужусь. Мне Лев Яковлевич, это физик наш, ну то есть не мой, мы ещё физику не проходили, а у нас в школе... — Соня немного запуталась. — Так вот он рассказывал про звёзды, и про чёрные дыры, и про притяжение, я не знаю. А вдруг меня куда-нибудь в дыру затянет, если я туда полечу? Как Вы думаете, может затянуть?

— Придется признать, в физике я не очень силен, Соня. А как ты обычно засыпаешь? Просто ложишься в кровать, и всё?

— Ну, я сначала ложусь и лежу с закрытыми глазами, и стараюсь представить себе то, что я хочу увидеть, или место какое-то, где хочу побывать. Только нужно, чтобы было тихо, и шевелиться нельзя. А потом вдруг то, о чем я думаю, как будто передо мной появляется, как настоящее, и я уже как бы сплю. Я же девочкам говорила, — и Насте, и Маше, — что надо только очень захотеть, и у них тоже получится, только они глупые, не верят. И Вы тоже думаете, что у меня крыша поехала? — в голосе послышалась совсем недетская грусть.

— Нет, Соня, что ты! Я думаю, что ты — просто очень умная девочка, с очень богатой фантазией.

— То есть Вы думаете, что я это придумываю? Нет! А почему тогда, если я что-то хочу, и во сне делаю, это потом так и бывает?

— О чём ты?

— Вот, например, хочу, чтобы папа пришёл, и во сне ему снюсь, и прошу прийти, и он в тот же день всегда звонит и приходит! Мама говорит, что это просто папа чувствует, что я без него скучаю. Ну ладно, а вот я даже с девчонками спорила, что заранее узнаю, что на диктанте по английскому будет — и узнала. Правда, они всё равно не поверили, сказали, что я у Виолетты, — это наша англичанка, — в тетрадке подсмотрела... И Вы мне тоже не верите?

— Ну что ты, Соня, я просто пытаюсь понять, как это — жить во сне? Во сне ты всегда видишь то, что хочешь? Страшные сны тебе никогда не снились?

— Да, один раз мне было очень страшно... — Она помолчала, как будто не решалась рассказывать, но все-таки отважилась. — Я там подошла к зеркалу, и мне стало ужасно любопытно, что там, с другой стороны. И я провалилась в зеркало, и стало темно-темно, и очень тихо, но я чувствовала, что рядом кто-то есть. Я захотела обратно, но у меня не сразу получилось, тогда мне стало страшно, я закричала и очень быстро проснулась. Я после этого даже два дня снов специально не смотрела, потому что боялась, что тот, кто из зеркала, за мной выпрыгнул.

— А сюда он за тобой не может выпрыгнуть?

— Нет, я потом поняла, что здесь он... я не знаю, как сказать, ну он бы здесь был очень слабым и сразу бы исчез. Скажите пожалуйста, а почему видеть сны — это плохо? Мама каждый раз, когда я ей рассказываю, что я во сне видела, меня ругает. Я ведь там ничего плохого не делаю. Когда папе рассказываю, он смеётся только, и называет меня феей сновидений. Не ругает, но и не верит тоже... Почему все думают, что выдумываю специально истории какие-нибудь?

— Соня, а представляешь, есть люди, которые музыку видят цветной. Был такой композитор, Свиридов, так вот он придумал цветомузыку и описал даже, какой цвет какой ноте соответствует. Как ты думаешь, он всё выдумывал?

Она на минуту задумалась, потом подняла голову, и с надеждой чуть слышно сказала:

— Наверное, он просто видел то, чего не видят другие?

— Ну вот, ты сама на свой вопрос ответила. Ты просто так же — видишь то, чего не видят другие люди. Давай мы с тобой договоримся — мы иногда будем встречаться и разговаривать. Мне ты можешь рассказывать все, я понимаю, что тебе нелегко всем вокруг доказывать реальность твоих снов. Мне не надо ничего доказывать, я не буду тебя ругать ни за что, просто поговорим, как друзья. Идёт?

— А Вы маме потом не будете рассказывать?

— Только то, что ты разрешишь. Хорошо?

— Ладно!

— Тогда запиши мой телефон, и позвони, когда захочешь поговорить.

Из кабинета она вышла счастливая. У неё появился друг! Ему можно рассказывать всё! И он не ругает её, и не обзывает врунью, и даже не смеётся, как папа, например. И хотя бы с кем-то можно будет посоветоваться, когда страшно или непонятно...

Кошанский

Егор не любил кафе, рестораны, и, тем более, бары. Как специалисту, ему очень неприятно было наблюдать вокруг толпу невротиков, заедающих и запивающих свои проблемы чем попало, с кем попало, под немыслимо пошлую музыку, да ещё и в непривычном интерьере.

Кухня лучшего друга — особенно если этот друг временно холост — вот лучшее место для снятия стресса, поиска выхода в проговаривании проблемы, плюс аутотренинга с применением релаксантов. В качестве релаксантов сегодня выступали «Джек Дэниэлс», запах свежее испеченного хлеба и запись концерта «Аквариума». Друг Серёга, хоть и был холостяком, имел замечательное хобби — готовить всякие вкусности. Последним приобретением его была навороченная хлебопечка, и теперь, вечером, в квартире пахло так восхитительно, что, будь он на месте бывшей Серёгиной жены, простил бы ему за этот запах все гулянки и измены.

— Ну что, профессор, как ты там поживаешь — всё ставишь опыты на людях? — работа Егора была для Сергея поводом для постоянных шуток, над людьми, приходящими к психотерапевтам, он смеялся, часто приговаривая, что «лучший психотерапевт — это ты сам после ста грамм». Егор на шутки не обижался, не теряя надежд убедить друга в своей полезности как отдельным людям, так и обществу в целом.

— Привела недавно одна дамочка дочку, и пытается меня убедить, что дочка «не в себе». Я, по её рассказам, сначала подумал, что там клиническая шиза, а потом поговорил с девочкой-то и понял, что там мама гораздо менее вменяемая, чем дочка. А дочка — как раз, совершенно нормальный ребёнок. Только с необычными способностями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.